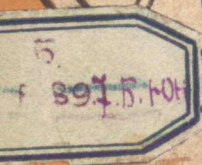
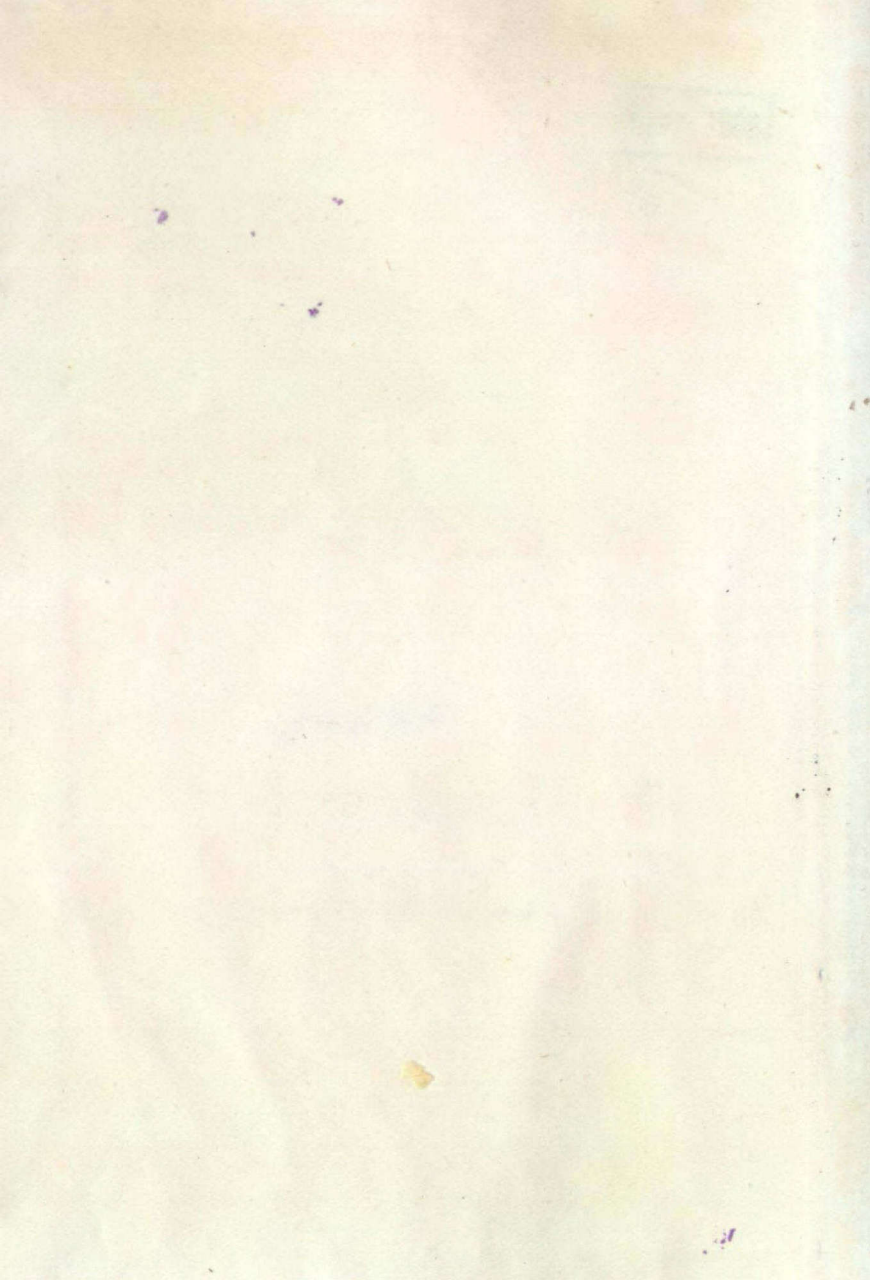


Б. РУСТАМ БЕК ТАГЕЕВ

ЮНУСКА АРБАКЕШ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО



НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

Б. РУСТАМ БЕК ТАГЕЕВ

Р-897

ЮНУСКА АРБАКЕШ

ПОВЕСТЬ ИЗ ЖИЗНИ УЗБЕКОВ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОЧЕРКА О ТУРКЕСТАНЕ

с 25 рисунками

Проверено 1935

В.К.И.П.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

89.7.6. ЮН.

24644

1987-88 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

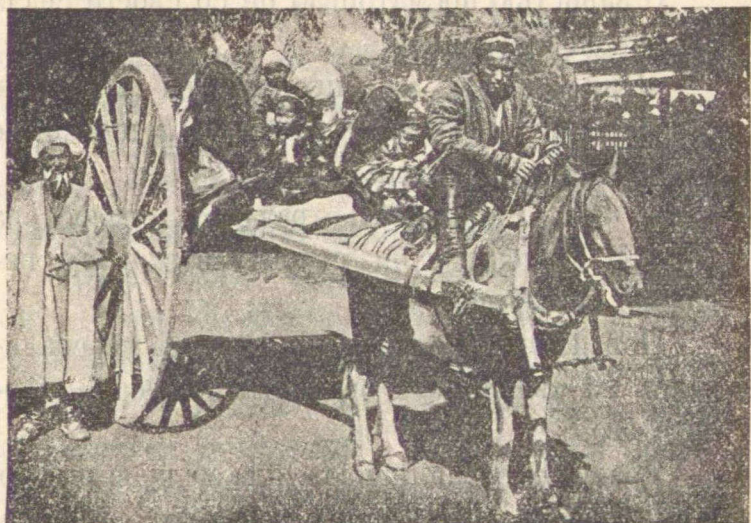
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ

ДЕТГИЗ



И. Д. Ч.





Арбакеш—узбекский извозчик.

I. На арбе

Тяжело живется Юнуске.

Вот уже 12 лет занимается он извозом, а все на нем тот же старенький рваный халат, пропитанная потом тубетейка, да стоптанные, неуклюжие сапоги.

Головы своей и то не может побрить Юнуска, как это делает каждый правоверный мусульманин. Денег нет для этого у бедного узбека.

С завистью посматривал он со своего седла на других арбакешей.

«Ишь, какие на них халаты красивые с красными и зелеными полосами, в шелковые даже некоторые нарядились», думал он.

— Эй, сторонись! — раздался голос за спиною Юнуски, и он, свернув в сторону, невольно оглянулся.

Новая чистенькая арба, мерно переваливаясь на своих двух огромных колесах, обгоняла его.

Красивая серая лошадь шла мелкою рысью, покачивая на своей спине молодого арбакеша, распевавшего веселую песню.

Под плетенкой на обгонявшей Юнуску арбе сидели четыре купца в нарядных халатах.

На головах у этих седоков были накручены огромные чалмы, сделанные из тонкой белой кисеи.

Трое из них, с длинными седыми бородами, о чем-то оживленно разговаривали, а четвертый — молодой, вероятно, слуга, почтительно сидел у самого края экипажа.

На его чисто выбритой голове пестрела вышитая разноцветными шелками тюбетейка. Лица этих пассажиров казались сытыми, довольными.

«Наверное, на базар везет этих боев, счастливец», грустно подумал Юнуска; и вдруг ему сделалось так тяжело на душе, что он, глубоко вздохнув, остановил свою утомленную лошадь, спрыгнул с седла на землю и стал осматривать разваливающуюся арбу *.

«Вот, кабы были деньги, — рассуждал он, — давно бы купил я себе новую арбу; разве наймет тебя порядочный пассажир, когда и колеса уже распатались, а солнце печет через прорванную покрышку. Да и лошадь следовало бы переменить, — эта уже стара, слаба, ишъ, стоит, словно сонная».

«Много, много денег надо на все это», со вздохом подумал арбакеш, а как взглянул на свой покрытый заплатами халат да рваные сапоги, то только махнул безнадежно рукой.

— Ну, поедем дальше, — обратился Юнуска к своему гнедому работнику. Он снова уселся в седло и, упершись в толстые оглобли своими изодранными сапогами, подумал:

«Продам-ка я свою саклю, а, пока не обзаведусь новым домком, отошлю жену к родителям, пусть им в хозяйстве подсобляет; а арбу

* Арба, арбакеш, бой, тибетейка и все другие местные слова — см. в конце книги «Объяснения местных слов».

справить необходимо, иначе с голоду пропадешь!»

Дорога тянулась вдоль узкой улицы большого узбекского города.

Справа и слева высились глиняные серые дувалы, за которыми скрывались дома, называемые в Туркестане саклями.

Только огромные деревянные ворота поднимались то справа, то слева над глиняными заборами.

Каждый дом был окружен тенистым садом со множеством фруктовых деревьев, между которыми журчали арыки.

Был март месяц, и абрикосовые деревья стояли, сплошь усыпанные бледно-розовыми цветами.

«А много в нынешнем году будет урюка, — подумал Юнуска, — хорошо тому, у кого большие фруктовые сады».

Все больше и больше стали попадаться навстречу нарядные арбы. Все чаще приходилось Юнуске сторониться и пропускать обгоняющих его арбакашей.

Наконец, он въехал в запруженную пестрой толшой улицу.

Справа и слева были расположены лавки

с различными товарами, перед которыми стояла толпа покупателей. Купцы суетились, предлагая им свои товары.

В пестрых, цветных халатах, с чалмами на головах или в щегольских тюбетейках чинно переходили от одной лавки к другой узбеки. Они спокойно выбирали нужную им вещь и начинали торговаться с хозяином. Тут были и женщины в своих серых халатах, скрывающих их с головою. Лица их были скрыты за черными волосами. Некоторые держали на руках грудных младенцев.



Дервиш.

Вот, мерно покачиваясь, прошла вереница верблюдов, нагруженных огромными кшами прессованного хлопка. Маленькие ослики, семеня ногами, тащили на своих спинах огромных, по сравнению с ними, седоков.

Дервиши (монахи) в остроконечных шляпах и рваных халатах, с большими посохами в руках, громко галдели, напевая священные стихи из керана.

В одном углу базара, весь в язвах, с растрепанными отросшими волосами, кричал дивана (сумасшедший), взывая о помощи к правоверным.

Под большими навесами, накрытыми грубым холстом и плетенками из камыша, были устроены возвышения, напоминающие огромные четырехугольные кровати. Они были сплошь застланы коврами.

Тут, на разбросанных подушках или просто на ковре, сидели кружками и старики и молодые. Слуги подавали им чай в медных резных кунганах и подносили любимое узбеками курево — чилим. Отпивая глоток чаю и вдоволь накурившись, сосед передавал соседу и чашку и чилим, предварительно обтерев полою своего халата конец камышевой трубки — этого курительного аппарата.

На большом блюде подавалось угощение, состоящее из разных сладостей. Тут были: фисташковые орехи, изюм, сушеный урюк

и сахар. Такое угощение в Туркестане называется достарханом.

Уже подъезжая к базару, Юнуска почувствовал соблазнительный запах плова, и у него защемило в желудке.

Ведь для каждого мусульманина плов этот являлся излюбленным кушаньем! С какой завистью смотрел теперь Юнуска, как повара воплились над ним в чай-ханэ. Они резали сочный лук тонкими кружками, поджаривали его в котлах с топленным салом, затем швыряли туда мелко изрезанную баранину, потом тонкие ломтики моркови, рис...

Через полчаса готовый плов вываливался на блюдо и подавался гостям.

Тут начиналось настоящее пиршество. Засучив длинные рукава своих халатов, пирующие ловко захватывали концами своих пальцев жирные крушинки риса, прижимали их к ладони и ловко клали себе в рот, не обронив ни одного зернышка.

Не выдержал такого зрелища проголодавшийся арбакеш.

Пошарил он в своем поясе * и нашел в нем тридцать копеек.

Быстро повернул он свою арбу в первый Караван-Сарай, купил сноп клевера и начал выпрягать своего гнедого. Лошадка почуяла запах душистой травы и, нетерпеливо заржав, потянулась к снопу.

Успокоилось голодное животное только тогда, когда ее хозяин, привязав ее к столбу, задал ей корму и медленной поступью побрел к чай-ханэ.

* Туземцы носят деньги обыкновенно завернутыми в пояс. Поясом служит большой величины платок,

II. Базарная новость.

Заплатил десять копеек хозяину чайной Юнуска.

Теперь он уже являлся полноправным гостем чай-ханэ и мог подсесть к любому из кружков ужинавших гостей. Таков уж обычай у мусульманских народов.

— Селям-а-лейкум, — почтительно поздоровался он, подходя к пяти узбекам, перед которыми слуга только что поставил огромное блюдо с душистым, дымящимся пловом.

— Алейкум-а-селям, — ответили сидящие, погладив, по обычаю, свои бороды обеими руками, посторонились, уступая место подошедшему гостю.

Все они были такими же арбакашами, каким был и сам Юнуска, а потому между ними завязался оживленный разговор.

Базар вообще в Азии, и особенно в Туркестане, является источником всех новостей. Кого только ни встретишь на базаре, чего только ни услышишь в чай-ханэ!

Сюда со всех концов съезжаются и бобылки и богатые. Все они одинаково спешат поделиться с соотечественниками всем виденным и слышанным.

Что бы ни случилось где-нибудь в самых отдаленных частях света, все это должно пройти через азиатский базар и разнестись, часто в искаженном виде, по всему краю, переходя из уст в уста.

Поев плова и обтерши засаленные пальцы, — кто о голенища своей обуви, а кто о ситцевые пояса, — все принялись за чай и, покуривая чилим, начали беседу.

— Да, новость большая, — проговорил длиннобородый толстый узбек.

Все наострили уши.

— В России больше нет царя, — сказал он таинственно.

— Как это нет царя? — вскрикнули все присутствовавшие.

— А так, нет его — и кончено! Народ его

больше не захотел — и шабаш, — решительно заявил толстяк.

— Врешь ты все, — заметил один из сидящих.

— Вру? Ну, вот, как приедешь ты завтра в Коканд, так и сам узнаешь.



Туземный суд.

— Ну, а кто же теперь будет царем-то в России? — осторожно спросил Юнуска.

— Да никто, — просто ответил толстяк. — Народ сам будет управлять государством, — прибавил он.

— Не пойму я что-то, — педоверчиво заметил Юнуска.

— Да тут нечего и понимать, — вставил другой арбакеш. — Русский народ соберет свой Совет, выберет депутатов, а уж те будут знать, что им делать.

— Верно, — поддакнул толстяк, — мне говорили в Коканде, что и у нас будут Советы, и мы своих выборных посадим вместо русских офицеров и чиновников.

— Полно врать! — заметил Юнуска. — Так это и позволят тебе сделать! Ты, наверное, позабыл и про хакима, и про наших выборных волостных управителей.

И вспомнил Юнуска, как больно стегал его нагайкой хаким за то, что он однажды не сразу уступил ему дорогу. Вспомнил Юнуска также, как приезжали раз в его кишлак какие-то чиновники, порубили деревья в его саду.

«Жаль, — подумал он, — такие хорошие яблони и груши посрубали, да два урюковых дерева совсем испортили».

Сам волостной Алим-бай присутствовал при этом, — значит, они имели на то право.

Посмотрели эти чиновники в какую-то трубу, смирли землю цепью и ушли.

Через год пришли другие люди, изрыли весь сад, что рядом с Юнускиным домом.

Ничего не понимал Юнуска, и только со временем он узнал, зачем все это делалось.

Через его землю провели русские железную дорогу.

Правда, волостной управитель Алим-бай дал Юнуске какую-то бумагу. Читали эту бумагу и мулла Ахмет, и кази Юнус, и оба они сказали, что Юнуске следует получить пятьсот рублей за отобранную у него землю. К кому только ни ходил Юнуска с этой бумагой, кому только ни подавал он просьбы! Но денег за отчужденную землю так он и не получил.

Пошел, наконец, Юнуска к самому губернатору и подал ему прошение.

Прошло после этого месяца три.

Вдруг вызывает Юнуску Алим-бай. Пошел Юнуска к волостному, да не рад был, что пошел.

— Так ты жаловаться вздумал на меня генералу? — закричал тот. — Хорошо, я с тобой рассчитаюсь.

С этими словами кликнул волостной своих джигитов.

На зов Алим-бая прибежали три молодца.

Схватили они Юнуску и больно избили его нагайками.

А волостной стоит и посмеивается.

— Вот тебе четыреста девяносто рублей. Сколько нехватает еще до пятисот, говори, мерзавец!

Молчит Юнуска, а сам дрожит, как осиновый лист.

— Ну, так, — обращается к нему волостной, — за мной остается еще десять рублей, вот они.

Бросил он десятирублевую бумажку и ушел в свою саклю.

Не взял этих денег Юнуска и рад был, что унес свою шкуру со двора мин-баши.

Поплакал арбакеш, погоревал вместе со своей женой над разоренным гнездом да и успокоился. Решил он, что нет управы ни над хакимом, ни над Алим-баем.

Теперь, когда толстяк заявил о том, что народ вместо хакимов да волостных управителей будет ставить своих людей, Юнуска не мог этому поверить.

«Алим-бай такой богач! Сколько у него джигитов, да, наконец, за него и русское войско заступится; где же с ним управиться народу».

Посидел Юнуска на базаре с новыми товарищами и поздно вечером вернулся к своей хижине.

— Ишь, как громыхает, проклятый, — пробормотал он вслед промчавшемуся поезду и громко постучал в ворота.

— Хамра, а Хамра! — крикнул Юнуска, подходя к низкой двери своей сакленки, состоявшей из одной закоптелой конуры.

— Нима, — раздался оттуда резкий женский голос.

На пороге показалась в грязной ситцевой рубашке узбечка с повязанной желтым платком головой. На руках у нее было маленькое существо, похожее скорее на обезьянку, нежели на ребенка.

— Ты ела сегодня, Хамра? — заботливо осведомился Юнуска у жены.

— Ела немного, — отвечала та, — а почему ты меня об этом спрашиваешь?

— А вот почему, — отвечал Юнуска. — Я решил завтра продать нашу саклю, а тебя сегодня же отвезти к твоим родным.

— Как знаешь, — равнодушно ответила женщина, — как прикажешь, так и будет, — покорно прибавила она.

— Так вот, возьми десять копеек и купи себе дыню и лепешек, покушай и собирайся в дорогу.

III. Везде — только обида

Как рассчитывал Юнуска, так оно и случилось.

За саклю и уцелевший участок земли получил он сто рублей от местного торговца дынями Мустафы.

Продал он свою старую арбу, но с лошадьёю никак не решался расстаться. «Послужит еще мне годика два мой гнедой», подумал арбакеш. Спрятал он деньги в пояс и, забравшись в седло, поехал легкою рысцою к базару.

Прошла неделя, и никто из прежних знакомых не узнал бы теперь Юнуску-арбакеша.

В новой арбе, с покрышкой из чистых свежих плетенок, возил Юнус богатых купцов. На нем теперь был красный ситцевый халат и прочные черные сапоги, густо смазанные бараньим салом.

По вечерам он забирался в чай-ханэ на каком-нибудь из базаров. Наевшись до-сыта плова, он подбрасывал корму своему гнедому



«Бан» купцы.

работнику, отдыхавшему на дворе Караван-Сарая. Даже Хамре переслал Юнуска десять рублей через одного знакомого арбакеша.

Как-то пришлось Юнуске быть в Скобелеве. Только что въехал он на Арбяной базар, как услышал, что кто-то кричит ему вслед:

Обернулся Юнуска и увидел, что зовет его русский солдат.

Не понимает Юнуска по-русски, но все же остановился и слушает.

К счастью, нашелся поблизости добрый человек и объяснил он арбакешу, что нанимает его солдат перевезти офицерские вещи.

Обрадовался Юнуска. В первый раз ему доводилось работать на русских.

Сторговался он с солдатом за три рубля. Посадил его на арбу и, подгоняя свою лошаденку, весело покатыл в город.

Около небольшого русского домика остановил Юнуска солдат и скрылся в воротах.

Слез арбакеш с лошади и стал полою халата вытирать ее запотевшую морду.

— Ну вот, дружище, сегодня и ячменю тебе подсыплю, — ласково сказал он своему гнедому товарищу. Он оправил на нем уздечку и, помахивая нагайкой, пошел к воротам.

Посредине двора стоял толстый офицер с длинными русыми усами. Сложив почтительно на животе свои руки, Юнуска, по мусульманскому обычаю, отвесил ему глубокий поклон и, прошептав «селям-а-лейкум», сел в сторонке на корточки.

— Чего расселся! — вдруг грозно закричал офицер. — Иди, подсоби-ка людям, вишь, им

одним не управиться, — прибавил он, сердито глядя на Юнуску и указывая на двух солдат, возившихся с огромным платяным шкафом.

«Должно быть, нельзя здесь сидеть», подумал арбакеш и, повернувшись, пошел обратно к воротам.

Но в тот же миг почувствовал Юнуска, что кто-то крепко схватил его за ворот халата.

Не успел он опомниться, как шлепнулся на землю.

Поднявшись на ноги, увидел Юнуска возле себя двух солдат, которые указывали ему на стоявший тут же шкаф.

Поправил Юнуска сбившуюся на затылок тюбетейку и только теперь сообразил, чего от него хотел офицер. Не смея взглянуть на русского «начальника», неуклюже взялся он за угол шкафа и поволок его вместе с солдатами к арбе.

— Ну, айда! — сказал один из солдат арбакешу, когда шкаф был привязан к арбе.

Проученный раз за непонимание русского языка, Юнуска сразу теперь понял солдат.

Задержал арбакеш поводьями, и арба, переваливаясь из стороны в сторону, покатилась по неровной дороге.

— Больше рубля ты ему не давай, Сидоров! — закричал вдогонку офицер, — а если заартачится, бей морду и гони его в шею. Нечего баловать этих чертей, — прибавил он и ушел к себе в дом.

— Слушаюсь! — ответил солдат.

А Юнуска, понукая свою лошаденку и желая всей душою угодить своим седокам, бодро катил, обгоняя других арбакешей.

Ехать пришлось далеко, и уже смеркалось, когда запыхавшаяся лошадь остановилась около больших деревянных ворот.

Солдаты спрыгнули с высокой арбы и стали отвязывать вещи, Юнуска усердно им помогал.

«Ну вот, — думал он, — и заработок есть на сегодня; не оставил, стало быть, аллах бедного Юнуску».

— Сарбаз якши, — весело улыбаясь и похлопывая по плечу солдата, сказал он.

— Якши, якши, — поддакнул солдат, кладя в протянутую ладонь арбакеша пятьдесят копеек.

Юнуска не брал денег и ждал.

— Чего тебе? — спросил солдат, видя, что Юнуска остается с протянутой рукою.

Но солдат преспокойно повернулся и направился к воротам.

— Ой, сарбаз! а сарбаз! — кричал вслед ему Юнуска, нерешительно подвигаясь за солдатом.



Развалины древней мечети.

— Чего тебе? — обернувшись, спросил тот.

— Что же это такое, — взмолился по-узбекски Юнуска. — Ведь мы подрядились за три рубля, а ты всего дал мне полтинник. — Лицо его выражало полное недоумение.

— Ну, ну, проваливай, — решительным тоном отвечал солдат. — Мало тебе барин-маклашу надавал, еще хочешь?

Рассердился Юнуска, когда увидел, что обманули его наниматели, и стал настойчиво требовать у солдата своих заработанных денег.

— Ну, вот тебе еще двугривенный, — жалился, наконец, солдат и протянул Юнуске монету.

Взглянул на нее Юнуска, сдвинул густые брови, мотнул своей головой — «не возьму-де», и сел на корточки возле калитки.

Решил арбакеш не уходить до тех пор, пока не получит всей ряженой суммы.

Вскипело сердце Юнускино. Досадно стало ему на солдата.

Долго сидел, понуря голову, Юнуска и думал о том, что говорили арбакешы в чай-хане на базаре. «Хорошо бы всех этих русских начальников заменить своими выборными людьми, да не такими, как Алим-бай, а настоящими, которые народ бы не грабили, — размышлял Юнуска. — Ох, да ничего не поделаешь с ними, сила у них большая», вздохнул он.

Из размышлений вывел арбакеша грубый голос солдата.

— Да ты все еще здесь, проклятый! Пошел, тебе говорят, — гаркнул он и так сильно толкнул Юнуску в грудь подкованным каблуком

своего сапога, что несчастный узбек с воплем покатился на улицу. Нагайка выпала из рук арбакеша.

Схватил ее озверевший солдат и начал беспощадно хлестать ею Юнуску. Бил он его, пока не запыхался и, отшвырнув ногой свою жертву к арыку, ушел на двор, громко хлопнув калиткой.

Горько плакал Юнуска.

Медленно поднялся он на ноги, помочил воспаленное лицо арычной водой и подошел к своей лошадке.

Опустился на корточки арбакеш возле ее передних ног и залился слезами.

Лошадь как будто понимает горе своего друга-хозяина. Низко опустила она голову и смотрит на него усталыми, грустными глазами.

Наконец, очнулся Юнуска и встал.

Лицо его горело.

От уха до самого глаза багровой полосой тянулся страшный рубец. Погладил он по шее лошадку, обтер по обыкновению ее морду длинным рукавом своего халата и стал взнуздывать утомленное животное.

— Не будет тебе, тамыр, сегодня ячменя,—



Дерево—«Сада-карагач».

вздохнув, сказал он. — Значит, не судил нам с тобою аллах поесть, как следует.

Слезы снова показались на глазах у арбакеша. В раздумьи опустил он голову на грудь.

А лошадь повернула к нему свою запотевшую морду, как бы отвечая: «не привыкать, мол».

С тяжелым камнем на сердце поехал Юнуска на базар, твердо решив не ездить больше в русский город.

IV. Тяжелая утрата

Настали холодные зимние дни, а Юнуска все попрежнему занимался извозом.

Только в жизни арбакеша случилась большая перемена.

Умерли у него жена и ребенок.

Похоронил их Юнуска, как подобает доброму мусульманину.

Заказал он каменный плоский памятник с именами покойников и сам поставил его на могиле.

Окончив свое дело, сел Юнуска на землю и задумался.

Вспомнилось ему прежнее, хотя и невеселое житье, но все же в своем гнездышке.

Вспомнилась ему и Хамра, его первая и единственная любовь.

Вспомнил он своего больного ребенка, ко-

торого в минуты отдыха он выносил на руках под сень тенистых фруктовых деревьев своего сада. Все отняли от него царские чиновники и Алим-бай.

— Будь они прокляты, — прошептал арбакеш, и нехорошее чувство шевельнулось в его сердце.

Как-то довелось Юнуске хлопок везти в Наманган.

Наложили его на арбу с добрых сорок пудов и деньги вперед заплатили маргеланские купцы, обещав дать прибавку, если груз будет доставлен во-время.

Едет Юнуска по степи и думает, как он в кишлаке накормит своего гнедого ячменем, сам напьется чаю, да покалякает на базаре с проезжими.

Затянул даже и песню Юнуска, и на душе у него сделалось вдруг так легко, как никогда еще не бывало. Нагнал он трех арбакешей и завязал с ними беседу.

Особенно весел был Юнуска, никогда еще никто не видел его таким.

Так доехали они до большого кишлака Язавана, находящегося как раз на половине дороги между Маргеланом и Наманганом.

Подвязал Юнуска торбу с ячменем своему коню, а сам подсел к собравшимся в чайной проезжим.



Рисовые поля.

Давно так не отдыхал Юнуска, давно с таким наслаждением не курил он чилим и не ел плов.

А там в тени, около арбы, стоит его гнедой помощник и с наслаждением жует крупные зерна вкусного ячменя.

Между тем в чай-ханэ происходило большое оживление.

Какой-то почтенный старик с длинной седой

бородой отпивал из маленькой чашечки зеленый чай и что-то рассказывал.

По его зеленому тюрбану Юнуска сейчас же узнал в нем хаджи, то-есть мусульманина, посетившего Мекку, гроб великого пророка Магомета.

Только хаджи имеют право носить зеленую чалму.

Вокруг говорившего собралась целая толпа. Даже сам хозяин караван-сарая Ахмет-бай, и тот подсел послушать, что такое сообщает хаджи. «Стало быть, что-нибудь очень интересное», подумал Юнуска и тоже подсел ближе к рассказчику.

— Ну вот, — говорил тот, — значит, в России будет управление без царя, говорят, что его уже и в живых нет.

«Правду, значит, говорил толстый арба-кеш», подумал Юнуска и пододвинулся ближе к хаджи.

— Значит, — продолжал тот, — и население Туркестана получит большие права. У нас будут не русские законы, а свои, — говорил он. — Мы будем избирать своих людей и посылать их в Петроград. Вместо русских начальников мы выберем своих. Уже в некоторых

уездах выбрали вместо русских хакимов — узбеков.

Среди слушателей раздался шопот одобрения.

— В Кокандском уезде уже выбран Атабай, в Наманганском Абдур-Рахман-бай, в Андижанском — Исмаил-бай, а в Маргеланском — Алим-бай.

Юнуска еще ближе подвинулся к рассказчику.

— Все они, — продолжал тот, — богатые купцы, пользующиеся у нас доверием. Они, конечно, сумеют защитить народные интересы.

Тут Юнуска не выдержал и, обращаясь к хаджи, переспросил:

— Значит, Алим-бай будет вместо русского хакима? Верно это?

— Как же не верно, — вежливо ответил хаджи арбакешу, — я его еще вчера сам видел и с ним лично беседовал.

— Богатый он человек, — щелкнув языком, прибавил старик.

«Плохо дело, — подумал Юнуска. — Все богатых лишь выбрали, да такого грабителя, как Алим-бай, — ничего путного из того не выйдет».

С этой мыслью он отошел от хаджи и подсел к своим попутчикам-арбакешам.

— Слышал, что говорил старик? — спросил его один из сидевших.

— Слышал, — отвечал Юнуска.

— Ну, а что ты думаешь насчет этого?

— Плохо будет, — лаконически заявил арбакеш. — Если плохо нам жилсъ при русских начальниках, то еще хуже придется при своих баях (богачах). Ну, какой же Алим-бай будет хаким?! Басмач он, разбойник, а не хаким, — сердито сказал Юнуска.

— Верно, — поддержали его товарищи.

— Ну, а что же делать?

— Новые выборы требовать, — заметил кто-то.

— Ничего выборами не добьешься, — отвечал один из сидевших арбакешей.

— При русском начальстве выбирали на должности тех, кого хотел их начальник. А хотел он тех, кто ему хорошо заплатил. Кто же мог платить, кроме богачей? Такой выборный должен был заплатить русскому начальнику за назначение на должность; он и сдирал с населения столько же, да еще вдесятеро.

— Это так, — поддержал другой. — У нас

два раза не выбрали нашего минбашу, так русский хаким назначил третьи выборы, да прислал казаков.

— Зачем же казаков? — спросил Юнуска.

— А для того, чтобы пороть нагайками тех, кто будет против кандидата, или откажется подать за него голос.

— Ну, и что же?! Выбрали, в конце концов, русского ставленника, — сказал вмешавшийся в разговор совершенно седой старец.

— А ты, ата (отец), что думаешь, насчет новых перемен? — спросили старика несколько человек.

Стариков туркестанское население глубоко уважает и чутко прислушивается к их мнению.

— Да что мне и думать, — отвечал тот. — Я уж давно все это продумал. Всю жизнь свою проработал я на богачей и знаю им цену.

— Вот, что я думаю, — вдруг, оживившись, сказал он. — Русских начальников покупали наши баи и делали с нами, что им хотелось, но все же они побаивались русской власти. Теперь нашим баям некого будет покупать и некого уже бояться, поняли? — спросил он.

Все одобрительно закивали головами.

— Так что же нам делать? — робко спросил Юнуска.

— Что делать? — строго ответил старик. — Как, что делать?! Всех баев надо... — и вместо окончания своей мысли он провел ребром ладони по своему горлу.

— Как баранов, перерезать их всех, — полушопотом закончил старик.

Никто из присутствовавших не возразил ни слова.

Наступила гробовая тишина.

Издали послышался протяжный крик муэдзина, призывавший правоверных к молитве.

Юнуске пора было собираться в путь. Попрощавшись с товарищами, он снял пустую торбу с головы лошади и, вполне довольный теперь своей судьбой, сел на оглоблю арбы.

«Перерезать, как баранов», мысленно повторял он слова старого узбека.

Как только солнце скрылось за горизонтом, и с запада повеяло легкой прохладой, Юнуска запряг своего коня и рысью выехал из кишлака.

Темнело.

Одна за другой загорались на небе звездочки.

Красиво мерцали они, как бы борясь с угасающим дневным светом. Наконец, пересилив его, засветились во всей своей красе, среди беспредельного пространства.

Луна поднялась из-за темневшегося на горизонте горного хребта.

От арбы, лошади и арбакеша, красиво озаренных ее серебристым светом, падала на ярко освещенную землю длинная черная тень.

Тень эта то появлялась, то пропадала, словно играла вперегонки с мерно катящейся арбою.

Что может быть прекрасней весенней туркестанской ночи?!

Спящие города и кишлаки дремлют, как бы укутались в бархатную шаль своей молодой зелени.

Вершины мрачных гор, равнины и густые сады, сквозь которые тянутся к небу мозаичные минареты мечетей, все это блещет каким-то волшебным светом под ярким сиянием восточной луны.

Все как будто покрылось густым северным инеем, и кажется, что какая-то фантастическая зима внезапно сковала весеннюю природу Азии.

Воздух переполнен ароматом распустившейся белой акации и роз.

Царит мертвая тишина.

Все уснуло среди этого чарующего пейзажа, и только иногда раздается протяжная песня запоздавшего арбакеша.

Но вот и она умолкла вдали.

И снова все тихо, бездыханно тихо вокруг.

Вот и болото Сары-су блеснуло яркой белеватой полоской. И снова исчезло, скрывшись в темных зарослях камыша.

Опасно переезжать ночью это болото.

Ну, да не в первый раз едет Юнуска по этим местам.

Не задумавшись, гнедой вступил в воду, и вскоре арба с шумом погрузилась до самых осей в холодные воды заросшего камышом болота.

— Ага-ага-ага, ага-га! — понукает Юнуска свою лошаденку.

Животное напрягает все свои силы, медленно влача по илистому дну тяжело нагруженную арбу.

Видит Юнуска, что выбивается из сил его лошадь, а остановиться нет возможности. Так

засосет арбу, что и не вытянуть потом, да и хлопок подмокнет.

Задержал Юнуска поводьями, да толку мало.

Животное рванулось вперед, а арба ни с места. Засели ее колеса в вязкое дно.

Испугался арбакеш и соскочил в воду.

Обошел он кругом арбы, попробовал сдвинуть одно колесо — напрасно.

Подошел он к лошади, дернул под уздцы, стоит на месте гнедой, словно вкопанный.

«Хоть подъехал бы кто-нибудь», думает Юнуска и не замечает, что вода уже доходит ему выше колен.

Но тихо все кругом, и лишь громкий неподражаемый концерт лягушек с переливающейся трелью жаб нарушает гробовую тишину ночи.

Подошел снова Юнуска к лошади и начал тянуть ее за повод.

Забыл он про то, что утомилась его лошадка, что по целым неделям не видела она ничего, кроме тощего снопа клевера или соломы.

Помнил только арбакеш, что кормил ее сегодня ячменем.

Чувство досады наполнило его существо и вызвало внезапный прилив злобы против неповинного животного,

— Обожралась! — закричал он и в припадке гнева стал стегать своего друга нагайкой.

Бедная лошадь рвалась в стороны, а арба попрежнему оставалась неподвижной.

Наконец, собравши все свои силы, изнемогая от боли, как бы в полном отчаянии, животное рванулось вперед, и арба тронулась с места.

Обрадовался Юнуска.

Он бодро зашагал по колена в воде, подсобляя за оглоблю своей лошади тащить тяжелый воз.

Вот уже берег недалеко.

Твердая, сухая земля уже под ногами.

Осталось только выехать на небольшой откос.

— Ага! Ага! — кричит Юнуска и, понукая лошадку, быстро зашагал около колеса.

Лошадь, тяжело дыша, как-то вытянулась под оглоблями и, делая последние усилия, тащила в гору арбу.

Но вот она споткнулась, упала на передние колени и, упершись мордою в землю, силилась подняться.

Юнуску бросился к ней и, не теряя ни минуты, расхомутил упавшую лошадь.

Арба мерно перевалилась назад, поднялись вверх прямые оглобли.

Лошадь вскочила на ноги и снова рухнулась на землю.

Из ноздрей животного темной струйкою сочилась кровь.

Не веря своим глазам, с опущенными руками, стоял растерявшийся арбакеш над лежащим животным.

Лошадь пыталась поднять свою голову, но силы окончательно ей изменили.

Она как-то особенно глубоко вздохнула, захрипела и вдруг задрожала всем телом.

Еще несколько секунд, — и, вытянув неестественно ноги и голову, она словно окаменела.

— Нет правды, нет аллаха на небе, нет Магомета и его пророка, да будут прокляты все муллы и ишаны, обманывающие народ, — простонал Юнуска.

Он с ненавистью устремил свой взор в беспредельную небесную даль и, скрежеща зубами, погрозил ему своим кулаком.

Затем он перевел свой взгляд на черневшийся труп своего единственного верного друга, так жестоко и незаслуженно им обиженного.

Тихо склонился к нему Юнуска, и громкие рыдания раздались среди глубокой тишины ночи.

А луна все так же ярко лила свой серебристый свет, озаряя арбу, плачущего арбакеша и его мертвую лошадь.

V. Началось

В городах и кишлаках обширного Туркестанского края царило необыкновенное оживление.

Многочисленные базары были переполнены народом.

По большим дорогам неслись тысячи всадников на своих горячих скакунах.

Даже в горных аулах кочевников-киргизов происходило что-то непонятное.

В войлочных юртах оставались только женщины. Дети под наблюдением стариков беспечно играли поблизости своих жилищ.

Все мужское население спешило в ближайшие города, где началась уже расправа с царскими чиновниками и богатыми купцами.

Из уст в уста переходили новости, одна страшнее другой.

В чай-ханах, по базарам сидели местные жители и с напряжением слушали рассказы о том, как был арестован в Ташкенте русский генерал-губернатор.

Передавались подробности о кровопролитном сражении в Коканде, Андижане и Самарканде. В других городах также шла резня и, как рассказывали очевидцы, часть русских солдат перешла на сторону народа.

Появились какие-то большевики.

О них никто не мог сказать ничего определенного. Говорили, что эти большевики берут под свою защиту бедняков.

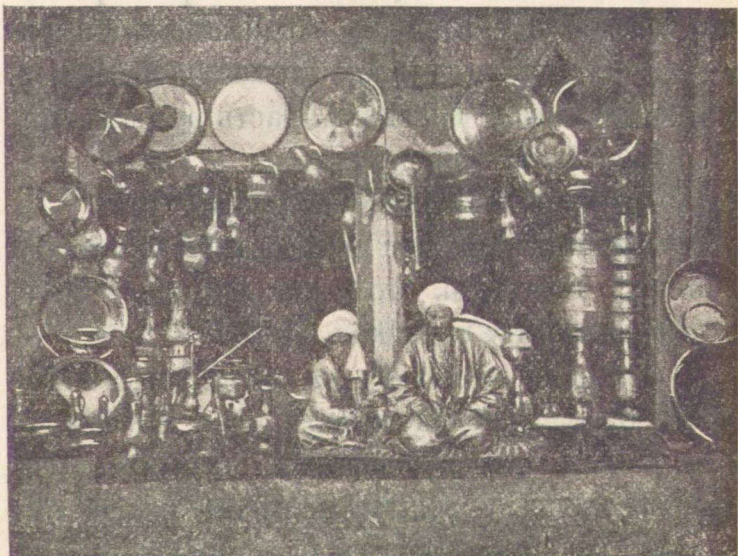
В большой чай-ханэ на маргеланском базаре собралась целая толпа народа, но все это были рабочие или земледельцы. Их поношенные, засаленные халаты, истертые ичиги, выцветшие тюбетейки, загорелые лица и мозолистые руки сами за себя говорили, что тут собралась теперь одна беднота.

Богатые купцы — баи закрыли лавки и прятались, как кроты, в самые уединенные части своих усадеб.

Многие из них успели уже разбежаться. Содержатель чай-ханэ, Мустафа-бай, остался без прислужников.

Они еще накануне вдруг потребовали расчет и ушли.

Он теперь сам обносил чаем посетителей, кипятил воду в кунганах и заправлял чилим.



Лавка медника на базаре.

Общее внимание присутствующих обращал на себя высокий молодой узбек, в скромном коричневом халате.

Выпив свой чай, он поднялся на ноги и громким голосом обратился к сидевшим в чайханэ.

— Друзья! — начал молодой человек, — настал час расплаты. Веками наш народ изнывал под ярмом самого тяжелого рабства.

Сначала нам рубили головы наши ханы, нас обирали их ставленники, отнимали у нас наших жен и дочерей и запирали их в свои гаремы.

Мы, дехкане и рабочие, влачили самое жалкое существование, отдавая весь наш ничтожный заработок или ханским чиновникам, или брюхатым баям, наживавшимся на нашем трудовом поту и на нашей крови.

Когда пришли царские войска и заняли нашу страну, мы попали из огня да в полымя.

Наши купцы стали быстро богатеть.

Разоренный дехканин был вынужден закладывать и продавать им свое жалкое имущество.

Лишившись всего, даже своего клочка земли, он шел работать на того же бая, который купил у него и землю, и дом, и скотину.

Много ли из вас, здесь находящихся, таких, которые не сидели бы в кабале у своих кишлячных кулаков? — спросил он.

— Нет таких, — в один голос отвечала толпа.

— Так вот что, друзья, — продолжал узбек, — вам известно, что творится в России. Вы уже слышали, что разыгралось в больших городах нашей страны. Русская власть над нами окончилась.

— Ур! Ур! — заголосили присутствующие.

— Долой царских палачей, — раздались голоса.

— Слушайте же меня до конца! — крикнул узбек.

Все снова успокоились и насторожили уши.

— Из России к нам на помощь пришли большевики, — продолжал узбек, — это наши друзья. Они помогли нам расправиться с царскими разбойниками. Без их помощи мы ничего не могли бы поделать.

— А что же вы такого сделали? — раздался из толпы голос.

— Как что? — спокойно отвечал узбек. — В наших руках власть. Везде уже избраны советы. Не будут больше править наши мин-баши и другие предатели, посаженные царскими генералами на свои места.

— Не верю я этому, — возражал тот же голос, — вот, как придут завтра солдаты, да

налетят казаки, так от ваших советов ничего не останется, — прибавил он.

— Да ты кто такой? — строго спросил узбек, — выходи вперед, чего ты спрятался, — сказал он.

— Я и не думаю прятаться, — отвечал незнакомец, — поправляя на голове свою тюбетейку и выступая из толпы.

— Ты хочешь узнать, кто я? — спросил он.

— Да, хочу, — отвечал тот.

— Я арбакеш из Коканда, меня зовут Мирза Ахмет.

— А скажи-ка нам по совести, — улыбаясь, спросил оратор, — мало тебя били нагайками русские офицеры и казаки? Мало ты переплатил аминам и пятидесятникам взятки?

— Все было, — отвечал арбакеш, — вот почему я и не верю, чтобы вы легко справились с царскими войсками.

— Да говорят тебе, что мы с ними уже покончили.

— Не вижу, — недоверчиво заявил Ахмет. — Коли покончили, так почему же кругом все еще продолжается драка? Я вчера из Коканда еле живым выбрался, — прибавил он.

— А все это потому, что, вот, многие рассуждают так, как ты сам. Теперь не время разговаривать, а надо помогать борцам, проливающим кровь за нашу свободу.

— Да чем же помогать? — покачал головой Ахмет: — кроме ножа, которым только дыню резать возможно, у меня другого оружия нет.

— Будет и оружие, — спокойно ответил узбек и затем, обращаясь ко всем, снова заговорил.

— Друзья, нам нельзя терять времени. Басмачи собираются в ущельях Алая. Много царских солдат и офицеров бежало туда с ружьями и пушками.

Немало предателей из наших соотечественников пристало к их отрядам. Не будет нам пощады от этих извергов, если мы во-время не помешаем им собраться с силами.

Кто готов следовать за мной, говори! Всё будет: и ружья, и патроны. Теперь нам надо только таких товарищей, которые бы решили умереть или победить.

Кто пойдет со мной? — вызывающе спросил он.

— Я! — раздалось из толпы.

Взоры всех обратились на небольшого, коренастого человека, одетого в драный халат.

Тюбетейка незнакомца съехала на затылок и обнаруживала часть небритой головы. Черная борода, окаймляя его лицо, придавала ему спокойное, миролюбивое выражение. Только большие черные глаза блестели зловещим огнем непримиримой мести.

— Я пойду за тобой, куда хочешь, — спокойно заявил этот человек. — Они тоже пойдут, — уверенно прибавил он, обернувшись к толпе.

— Пойдем, конечно, пойдем, все пойдем, — раздалось оттуда.

— Так идемте все в медресе! — крикнул оратор. — Там нас уже ожидают наши друзья.

— Идем в медресе! — завопила толпа.

— Пойдем, товарищ, — обратился узбек к стоявшему возле него человеку, — ты первый отозвался на мой призыв, ты со мной и останешься. Меня зовут Аслан Магомедов, а твое имя? — спросил он.

— Меня все зовут Юнуской, — отвечал тот.

VI. На верном пути

Так мало времени прошло с тех пор, когда Юнуска остался один с тяжелым возом среди камышей Сары-су, а столько нового, неожиданного произошло в его жизни.

Набожный и верующий, Юнуска вдруг совершенно потерял веру в аллаха.

— Нет бога, — говорил он сам себе. — Будь он на самом деле, то не было бы столько несправедливости на земле.

Бросил Юнуска свой воз среди пустоши и побрел пешком в Наманган.

Началось тяжелое время для арбакеша. Нанимался он в работники к разным хозяевам, бегал тащишкой на базаре. Одно время служил носильщиком на железнодорожной станции. Чего-чего только не испытал за этот период бывший арбакеш.

Лишь по вечерам, когда солнце садилось за Алайские горы, когда на базаре начиналось обычное гулянье и пиршество, тащился туда и Юнуска.

В обществе таких же обездоленных и забытых бедняков просиживал он целые ночи.

Но не в праздной беседе проводили эти базарные часы несчастные страдальцы. Тайно шептались они друг с другом; что-то роковое, жестокое созревало в их мозгу.

Юнуска был непримиримым врагом богачей. Он дал себе клятву разделаться с ними, как советовал старик там, в чай-ханэ язаванского караван-сарая.

«Всех их, как баранов», часто повторял про себя бывший арбакеш.

Но, вот, наступил долго жданный момент.

В конце октября 1917 года появились на базарах какие-то русские и сарты. Они призывали бедняков к бою с богатыми купцами, захватившими вместе с русским чиновничеством власть над страной.

Эти русские ораторы не походили на тех русских офицеров и чиновников, которых всей душой ненавидел Юнуска.

И вот, когда Аслан Магомедов кликнул свой

клич, призывая к решительному бою забитых, обездоленных людей, Юнуска первый отозвался на этот призыв.

Вместе с Магомедовым пришел Юнуска на просторный двор медресе.

Здесь уже толпилось множество народа. На веранде, окружающей здание, прибывшие увидели несколько столов, за которыми сидели узбеки и что-то писали.

Тут же находились трое русских.

Один из них, молодой высокий блондин, заметив вошедшего Магомедова, обратился к нему.

— Ну, вот и вы, наконец, товарищ Аслан, — радостно сказал он, — как дела?

— Очень хорошо, — отвечал тот, — весь базар с нами, а вот этот, — указал он на Юнуску, — первый откликнулся на мой призыв, поэтому я его и привел с собой.

— Это товарищ Кузьма, — сказал Магомедов Юнуске, — познакомьтесь, товарищи, — предложил он.

Юнуска схватил в обе руки протянутую ему сильную и большую руку русского товарища и затем, по обычаю, погладив свою бороду, отступил немного назад.

Товарищ Кузьма был коммунистом и уроженцем Туркестана. Быт туземного населения был ему совершенно знаком.

Сразу он понял, с кем имеет теперь дело, а потому поспешил приласкать несчастного узбека.



Уголок в кшлаке (селении).

На Юнуску Кузьма мог вполне положиться; он понимал, что такой человек, каким был Юнус, пойдет в огонь и воду за правое дело.

Товарищ Кузьма не ошибся.

Юнуска поступил в отряд Магомедова, и тот вскоре убедился, что нашел в нем верного товарища и смелого, толкового помощника.

И откуда взялось вдруг столько энергии, духовной и физической силы у забитого, несчастного арбакеша!

Теперь у Юнуска не было иной веры, как в революцию, не было иной надежды, как на полную победу над врагами рабочего класса.

Он шел в кровавый бой с твердым решением сложить свою голову или победить.

И вот, в ту же ночь тысячи бедняков, как змеи, бесшумно подползли к баракам Скобелевского гарнизона. Товарищ Кузьма был между ними. Рядом с ним, с ножом в зубах, полз и Юнуска.

Где-то послышался раздирающий душу крик, раздался выстрел...

Вдруг, словно ураган, пронесся над спящим казармами.

Страшное «ур» слышалось в воздухе, словно жужжание миллионов гигантских жуков.

Началась самая беспощадная кровавая бойня.

Застигнутые врасплох солдаты разбежались в разные стороны.

Многие падали на колени и просили пощады.

Сдававшихся не избивали, а охотно принимали в число своих бойцов.

Не прошло и получаса, как атакующие вместо ножей были вооружены винтовками и снабжены патронами. Часть их направилась в город для расправы с русскими властями.

То же самое происходило во всех городах на всем протяжении Туркестана, от Каспия до Аральского моря, и даже на восток до снеговых хребтов Заалайских гор.

Вскипело, всколыхнулось забитое и угнетенное население Туркестана и Закаспия, и одним дружным напором разбило оно цепи векового рабства.

Через несколько дней все начало принимать спокойный, обычный характер.

Не было больше богачей.

Имущество их было национализировано. У власти стоял теперь местный пролетариат.

VII. Серьезное решение

Прошло несколько дней.

С самого утра в окрестностях Маргелана слышалась ружейная пальба и, не смолкая, громыхали пушки.

Где-то, очевидно, шел бой.

Город словно вымер, и даже на базарах не было заметно обычной толпы в чайханах.

Хозяин караван-сарая, Мустафа-бай, заперся в женском отделении своего дома и никого к себе не впускал.

Вдруг сильный стук в двери заставил его вздрогнуть всем телом.

Испуганные женщины бросились в угол, дети заплакали.

— Кто там? — робко спросил, подходя к двери, Мустафа.

— Выходи, нечего прятаться, — раздался повелительный голос снаружи.

Бледный, еле удерживаясь на дрожащих ногах, отодвинул Мустафа железный болт.

Дверь отворилась, и он увидел стоявших перед ним трех вооруженных узбеков.

Он сразу узнал того молодого парня, который призывал толпу подняться против властей. Узнал он также и бывшего арбакеша Юнуска.

«Ишь, ты, проклятый голоштанник, и ты туда же», мелькнуло у него в голове; но, опасаясь за собственную шкуру и желая отвлечь незваных гостей от своего дома, он, отвешивая низкие поклоны, побежал в чай-ханэ.

Там господствовал полный беспорядок.

Не было ни огня, ни посуды.

Часть ковров, покрывавших помещение, исчезла.

— Ну, давай скорей чаю, нам некогда! — грозно прикрикнул на хозяина Магомедов.

А тот, раздувая огонь, с любопытством и с некоторым страхом искоса посматривал на пришедших.

В особенности его внимание привлекал Юнуска.

«Совсем он стал другим человеком», думал Мустафа.

Действительно, с Юнуской произошла большая перемена. Он казался выросшим на несколько вершков.

Всегда опущенная голова арбакаша теперь была гордо поднята вверх. Глаза его сверкали каким-то лихорадочным блеском, а на поясе, в военной кобуре, висел большой револьвер.

Положив возле себя солдатскую винтовку, Магомедов непринужденно уселся на ковер. Его примеру последовали и двое других.

У каждого из них было по ружью, а на поясных ремнях висели патронные сумки.

Мустафа поставил перед гостями чашки, принес лепешек и кунган с чаем.

— Что слышно про Алим-бая? — спросил Магомедов хозяина.

Тот сначала было замялся, но вид револьвера и ружей развязал у него язык.

— Алим-бай убежал, — сказал он. — Как только все это случилось, он со своими джигитами ускакал в горы.

— Куда? — лаконически спросил Магомедов.

— Да люди сказывают, что к алайским киргизам все они ушли, — ответил тот.

— Кто все? — допрашивал узбек.

— Алим-бай, его амины, джигиты да много, много русских офицеров и солдат, — пояснил хозяин. — Сказывают, что всю ночь видели, как войска тянулись по Уч-Курганской дороге к перевалу Тенгиз-баю.

— Так, — глубокомысленно произнес Магомедов и задумался.

— Вот что, Измаил, — обратился он к сидевшему рядом с ним товарищу, — возьми-ка ты лошадь у Мустафы, — у него их с десятков стоит на конюшне, — да поезжай скорей к комиссару Кузьме. Ты все ему расскажешь, что говорил Мустафа, да передай товарищу Кузьме, что я со своими буду завтра перед самым рассветом в Уч-Кургане.

Измаил допил свой чай и пошел во двор караван-сарая.

Через несколько минут его стройная фигура, гарцуя на прекрасном туркменском коне, пронеслась галопом мимо чайной.

Глубоко вздохнул Мустафа, глядя вслед удаляющемуся всаднику и, махнув рукой, побрел в свою саклю.

Между тем Магомедов с Юнуской затыгивались кальяном, окутываясь густыми облаками дыма.

— А жаль, что Алим-баю-минбаше удалось убежать, — глубоко вздохнув, проговорил Юнуска.

— А тебе хотелось бы его захватить живьем? — улыбаясь, заметил Магомедов.

Юнуска ничего не ответил, но густо покраснел, и зрачки его глаз вдруг заблестели, как у дикой кошки.

Он посмотрел на лежавшую рядом винтовку, затем потрогал рукой свою патронную сумку и, нахмутив брови, сказал:

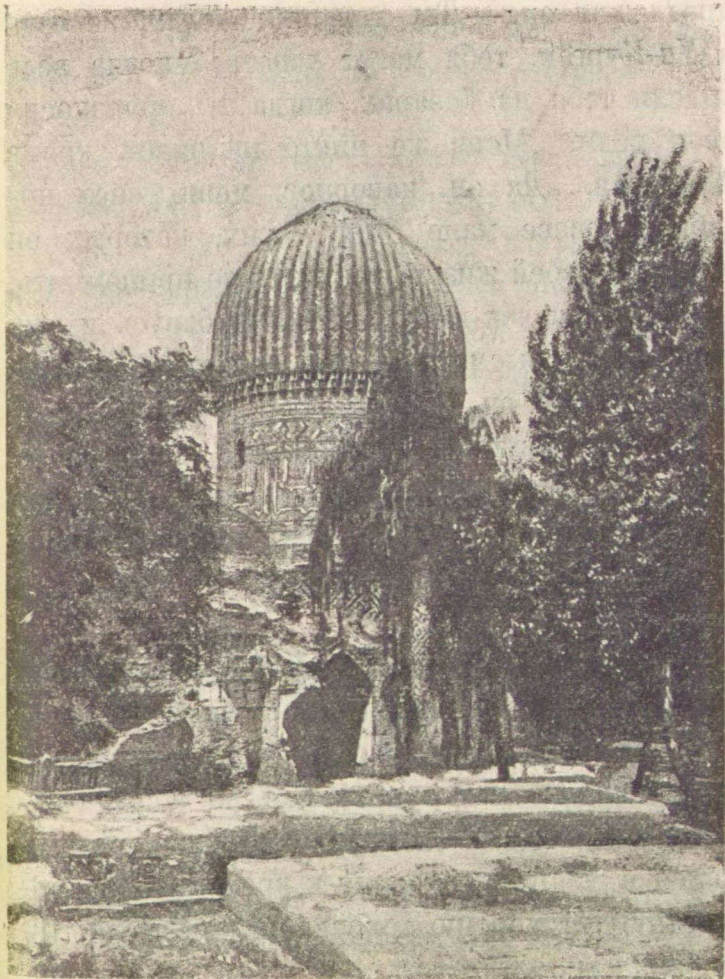
— Алим-бай теперь стал начальником басмачей, и его надо взять живым или мертвым.

— Верно, товарищ Юнус, — хлопнув его по плечу, одобрил заявление бывшего арбакеша Магомедов, — но это не так просто, — прибавил он.

— Конечно, — отвечал Юнуска, — сначала необходимо хорошенько выследить его шайку.

— До Уч-Кургана всего двадцать пять верст, нам нужно пробраться туда незамеченными к рассвету, — сказал Магомедов.

Юнуска опустил голову и задумался.



Мавзолей в Самарканде.

— Вот, что, — после долгого раздумья предложил он. — Ты, товарищ Аслан, не ездил в Уч-Курган, тебя могут узнать; многие ведь видели тебя на базарах, когда ты произносил свои речи. Меня же никто не знает, кроме Алим-бая. Да он, наверное, меня успел позабыть; разве мало было таких, которых он обирал в своей жизни, всех ему не припомнить.

Лучше я как-нибудь туда проберусь и мне удастся все высмотреть, что делается у Алим-бая, — сказал он.

— Рискованное ты затеваешь дело, Юнуска, — серьезно отвечал Магомедов, — но раз ты серьезно на это решился, то желаю тебе успеха. Хорошо ли ты знаешь эти места? — спросил он.

— Я-то? — переспросил Юнуска, оскаливая свои белые зубы и улыбнувшись во весь рот.

— Я часто бывал в Уч-Кургане, — сказал он. — Сколько раз проезжал я по Исфайрамскому ущелью и через перевал Тенгиз-бой спускался в Алайскую долину к крепости Дараут-Кургану. Я хорошо говорю по-киргизски, — прибавил он.

— Так тебя там знают, — разочарованно заметил его собеседник.

— Давно это было, когда я еще ездил с отцом покупать у кара-киргизов лошадей и баранов, никто меня не узнает теперь, — отвечал Юнуска.

— А как же ты с горами так хорошо познакомился? — спросил Магомедов.

— А вот как, — отвечал Юнуска, — отец закупил баранов, оставил стадо под моим надзором, а сам уехал обратно домой. Дело было летом; сам знаешь, какая сочная трава в это время в Алайской долине.

Ну, вот мы и решили покормить хорошенько баранов; к осени же отец должен был приехать за ними, чтобы пригнать стадо в город.

— Мне было в ту пору двенадцать лет. С киргизскими детьми я скоро сдружился и начал, как и они, с утра до ночи ездить верхом.

Ходили мы частенько с ребятами и на охоту за горными куропатками, таскали из птичьих гнезд яйца, ловили ящериц, били змей, взбирались на большие высоты, словом, слонялись по горам.

— Ну, а бараны твои что же делали? — спросил Магомедов.

— А что им делать. Паслись они вместе с киргизскими стадами. Киргизы — народ честный, у них ничего не пропадет.

Прошел месяц, а отец не приехал. А я и радуюсь.

Настали праздники Курбан-байрам.

Начались веселые тамашы. Я принимал участие и в скачках, и в улаке — весело было, страх! А отца все нет.

Приближалась осень, киргизы стали собираться для откочевки к своим зимовкам.

Сложили они юрты и пожитки на горбы верблюдов, а меня решили отправить домой с одним попутчиком.

Собрался я в путь, как вдруг приезжие купцы привезли новость, что мой отец уже с месяц как умер, а мать моя уехала в Самарканд с каким-то купцом.

Собрались аульные старики, потолковали и порешили оставить меня у себя.

Забрали они моих баранов, и стал я жить у них наравне с прочими киргизятами.

Так я кочевал в Алайских горах до пятнадцати лет. Охотился за кийками и за другим зверем. Наконец, надоело мне бездомное скитанье, и в один прекрасный день я объявил



«Улак»—козлодранье (конный спорт).

в ауле, что ухожу, простился со всеми по-хорошему и, вернувшись домой, занялся извозом.

Киргизы меня любили. Если кого-нибудь встречу из старых друзей, они меня не выдадут, а насчет моего знания местности, ты не беспокойся: Юнуска, как горный козел, знает все тропинки, ведущие к Уч-Кургану, — прибавил он.

— Ну, так зачем же дело стало? — сказал Магомедов. — Деньги я тебе дам, коли нужно. Можешь взять с собой и карманный револьвер, — предложил он.

— Ни денег, ни револьвера мне не надо, — твердо ответил Юнуска.

— Это уж твое дело, — заметил Магомедов. — Когда же ты думаешь тронуться в путь? — спросил он.

— Напьюсь чаю, поем немного и пойду, — просто заявил Юнуска.

— Ну, и молодец же ты у нас, право, молодец, — похвалил его Магомедов.

VIII. В гнезде басмачей

Кишлак Уч-Курган расположен как раз у подножья Алайского хребта, при самом входе в Исфайранское ущелье.

Красиво гнездятся на высоких обрывистых берегах ревущего Исфайрана маленькие туземные сакли.

Издали они похожи на глиняные ласточкины гнезда, прилепившиеся к отвесной скале.

Кое где из бархатной зелени роскошных садов выглядывают купола мечетей с длинными, высокими башнями-минаретами.

Возле самого обрыва, высоко над рекою, кинулся небольшой базарчик. С правой стороны, заглушая человеческий голос, пенясь и ворочая камни, несется бурная горная речка.

С обеих сторон над этим небольшим кишлаком грозно возвышаются мрачные скалы.

Они громоздятся друг над другом в виде гигантских каменных лестниц.



Вход в Исфайранское ущелье.

Местами эти гранитные громады прерываются широкими осыпями, желтым мелким песком и острыми осколками аспида.

На базаре заметно сильное оживление. В чай-ханэ и возле лавок толются солдаты. Иногда промелькнет верховой казак-оренбурец или офицер.

В большом тенистом саду, раскинувшемся

возле мечети, поставлен бухарский зеленый ша-тер, а рядом с ним две киргизские юрты.

Здесь, повидимому, помещаются начальники.

Толпа праздных туземцев с любопытством смотрит на неожиданных посетителей, и на лицах каждого можно прочесть озабоченность и какой-то безотчетный страх.

Но, вот, все бросились к базару.

— Дивана, дивана! — раздаются крики.

На небольшом глиняном возвышении, оставшемся от разрушенной печки, в которой когда-то пеклись сочные пирожки, стоит какое-то страшное существо.

Вместо одежды на его грязных израненных плечах набросаны полуистлевшие лоскутья одежды. На запыленном, изможденном лице виден свежий кровавый шрам.

В бороде торчат куски соломы, а из-под войлочной остроконечной шапки лихорадочно блестят два черных глаза.

— Послушаем, что скажет нам святой дивана, — раздается шопот в толпе.

Сумасшедший обводит собравшихся своим диким взглядом и вдруг, ударив о землю своей огромной палкой, поднимает глаза к небу и громко зовет:

— Велик аллах и Магомет, пророк его!

Целый поток бессвязных слов срывается с языка юродивого. Он кричит до полной хрипоты, бьет себя кулаком в грудь и обессиленный опускается на землю.

— Накормите святого, — приказывает своим слугам хозяин чай-ханэ.

И перед несчастным прямо на землю бросают груды объедков хлебных лепешек и других отбросов еды, оставшихся после посетителей.

Отдохнув, дивана идет дальше. Вот он у сада.

В нескольких шагах от него стоит высокий узбек, толстый живот которого опоясан серебряным поясом. Сбоку висит прекрасная, оправленная в черненное серебро, туземная сабля.

Это Алим-бай.

Он отдает приказание одному из своих джигитов.

Дивана стоит и шепчет вполголоса молитву.

— Дай ему денег, — приказывает Алим-бай джигиту, — ведь это дивана; обидеть его — значит, навлечь на себя гнев аллаха, — говорит он.

Сумасшедший принимает подаяние и медленно удаляется, направляясь к шатру.

Там, за столом, уставленным бутылками, сидят несколько русских офицеров и пьют вино.

Дивана низко кланяется и протягивает свою руку.

— Пошел вон, — прогремел из палатки грозный окрик, и с этими словами оттуда вышел толстый офицер с длинными русыми усами.

— Эй, вы, — крикнул он стоявшим неподалеку солдатам, — чего вы смотрите! Гоните вон отсюда это страшилище!

— Ну, проваливай, проваливай, любезный, — смеясь, обращаются к юродивому солдаты. — Не пойдешь, получишь маклаш.

Дивана знает, что такое означает русское слово «маклаш». Он спешит убраться подобру—по-здорову, провожаемый веселым солдатским смехом.

Долго бродит дивана между солдатскими палатками, получая где пинки, а где и черствую корку хлеба.

Недалеко от артиллерийских пушек, под развесистым урючным деревом, он расположился на отдых.

Спустилась ночь. В горах, до восхода луны, она бывает всегда необыкновенно темной.

Только на небе ярко блещут звезды, иногда, срываясь с бесконечной выси, несутся они вниз, оставляя за собой быстро потухающий фосфорический след.

Где-то в темноте слышатся человеческие стоны. Кто-то кричит, изнемогая от боли.

Вздрогнул дивана и незаметно крадется он на эти крики.

Вот он уже возле большого дувана, за которым помещается сакля.

Крики и стоны делаются все отчетливее и громче.

Дивана уже различает слова, произносимые на его родном языке.

Он пробирается ближе. Вот он уже возле ворот.

С ловкостью зайца он прошмыгнул во двор и притаился возле самой двери.

Теперь он может спокойно наблюдать, что делается за стенами сакли. Дивана видит, как на грязном полу, смоченном кровью, лежат семь человек с закрученными за спину руками и связанными ногами.

Двое лежат недвижно на спине. Головы их как-то неестественно откинuty назад.

Мерцающий свет зажженной свечи иногда озаряет их лица.

Дрожь пробегает по членам сумасшедшего. Он видит перед собой зарезанных людей, на шее которых зияют огромные черные раны.

Посредине сакли стоит тот самый толстый узбек, который велел дать ему денег.

Он смотрит, как двое других пытаются несчастных, оставшихся еще живыми. Им вырезают куски кожи на спине, поджаривают свечкой ноги.

— Да будешь ли ты у меня говорить, наконец? — задыхаясь и скрежеща зубами, спрашивает толстяк одного из мучеников. — Говори, где ты видел большевиков сегодня утром?

— От этих мы таким образом ничего не добьемся, — заявляет один из джигитов своему начальнику. — Дай им отдохнуть до утра, быть может, они еще образумятся. На рассвете мы их прикончим, — добавляет он.

— Хорошо, — соглашается толстяк, — ты их запри и поставь часового.

Но вот он ушел.

Дивана забился в угол между дувалом и саклей.

Из своей засады он видит, как ушли и джигиты, оставив у запертой двери солдата с ружьем.

Замка на ней нет, она закрыта деревянным засовом.

Погасли огни. Царит глубокая тишина, которую нарушают лишь мерные шаги часового да доносящийся откуда-то издалека шум пенящейся горной реки.

Но, вот, затихли и шаги.

Осторожно прополз дивана по земле, прислушался и поднялся на ноги. Осторожно порылся у себя за пазухой и неслышно двинулся вперед.

Что-то вдруг как бы пискнуло, хрустнуло, раздался продолжительный хрип, и что-то тяжелое упало на землю.

Опять все стихло на мгновение.

Затем дверь в саклю отворилась, и оттуда донеслись звуки какой-то возни и шопота.

Еще несколько мгновений, и несколько темных теней, словно привидения, прошмыгнули из чернеющего отверстия двери и скрылись во мраке густого сада.

На следующий день святого диваны уже не было видно на базаре.

Куда он делся, никто в Уч-Кургане не знал.

— Этот дивана действительно был великим святым, — многозначительно заметил мулла своим прихожанам в мечети.

Когда на базаре стало известно, что взятые в плен узбеки были каким-то чудом освобождены, слава святого диваны еще больше увеличилась среди суеверных мусульман, и в его честь мулла сотворил особую молитву.

О том же, что у сакли нашли зарезанного солдата, никому не было известно. Об этом басмачи умолчали перед жителями кишлака.

В тот же день басмачские офицеры вместе с Алим-баем держали военный совет.

Было решено перейти в другое место, а именно на противоположный берег Исфайран-сая.

Прошло несколько недель, и Алим-баева шайка басмачей наводила ужас на жителей всего уезда.

Много женщин, детей и стариков погибло под ударами шашек его разъяренных бандитов.

С уходом Алим-бая из Уч-Кургана в нем потекла прежняя спокойная жизнь.

Басмачи здесь больше не показывались. Они были заняты своими набегами.

Между жителями ходил слух, что святой дивана в одну из ночей посетил муллу, с которым просидел до рассвета.

На следующий день мулла собрался и уехал в город.

Все это рассказывалось под большим секретом, передавалось шепотом из уст в уста по вечерам на базаре.

Каждый ждал, что должно случиться нечто необыкновенное.



Хлояковое поле.

IX. Расплата

Было ясное летнее утро.

В горах еще держалась легкая прохлада, пока не накалились под палящими лучами солнца гранитные великаны.

Небольшой отряд революционеров медленно поднимался по Исфайранскому ущелью.

Впереди на сильной киргизской лошади, тихо покачиваясь в седле, ехал товарищ Кузьма.

За отрядом пехоты на маленьких ишаках везли два пулемета.

Несколько вьючных лошадей, с неуклюжими чамами на спинах, везли скромные запасы отряда.

Магомедова не было.

Уже с неделю он бесследно исчез, и никто из его товарищей не знал, куда скрылся молодой узбек.

Пропал также и Юнуска.

— Куда же, на самом деле, запропастились они оба? — спрашивали знавшие их товарищи русского комиссара. — Я не беспокоюсь о товарище Аслане, — отвечал тот, — он не пропадет, на него можно вполне положиться.

— А Юнуска-то где? — не успокаивались другие.

— Ну, а где же ему быть, как не с Магомедовым, — отвечал товарищ Кузьма.

Когда отряд вступил на базарную площадь Уч-Кургана, было решено сделать привал.

Выставили наблюдательные посты.

— Басмачи где-нибудь неподалеку, — заметил товарищ Кузьма, — надо быть осмотрительными.

В это время на противоположном берегу, из-за одного из больших осколков гранита, выскочил белый дымок. Раздался выстрел, подхваченный раскатистым эхом в ущельях.

Все сразу насторожились.

Кузьма сейчас же отдал нужные распоряжения, и цепь стрелков стала занимать позицию по гребню оврага. За первым выстрелом раздался второй, третий, — и пошло.

Завязалась перестрелка.

— Ну, вот и нашли мы их, голубчиков! — радостно проговорил Кузьма. Он приказал выкатить пулеметы и открыл сильный огонь.

Басмачей, повидимому, было немало.

Часть их стала спускаться к реке, с целью переправиться на другой берег и зайти в тыл революционерам.

По ним был сосредоточен теперь пулеметный огонь. Кузьма наблюдал в бинокль за движением противника.

Он ясно различал белые кителя русских офицеров, а между ними высокого стройного узбека.

— Это был Алим-бай.

Вдруг среди начальников басмачей произошел какой-то переполох. Двое офицеров свалились и недвижно лежали на земле, другие бросились к стоявшим за камнями коням.

— Что это такое! — возбужденно воскликнул Кузьма.

Вдруг он сорвал фуражку с своей головы и высоко поднял ее в воздух.

— Магомедов, милый ты мой! — громко закричал комиссар. — Аслан, смотрите, Аслан, а с ним и Юнуска, смотрите, товарищи! — разнеслось по цепи.

— Как ловко они лупят их, окаянных, — слышались восклицания со всех сторон.

Теперь даже простым глазом можно было различить, как не больше, чем полсотни, человек расправлялись с бандитами.

Юнуска, то стреляя из револьвера, то бросаясь с обнаженной пашкой, метался из стороны в сторону. Он, повидимому, кого-то искал. Вдруг он остановился, прицелился и выстрелил.

Кузьма отчетливо видел, как грохнулась о землю высокая фигура Алим-бая.

Революционеры начали наступление, попросту скатываясь по крутому откосу к ревущей внизу реке.

Громкое победоносное «ура» несмолкаемо держалось в воздухе. Кто-то развернул красное знамя, грозно реявшее над горсточкой атакующих.

— Вяжи их! Живьем забирай, — кричал Магомедов своим товарищам.

А те, видя подходивших на помощь людей из отряда Кузьмы, разили бегущих басмачей.

Сдавшихся и просивших пощады скручивали арканами и сгоняли в общую кучу.

Вот и товарищ Кузьма.

Он крепко жмет руку Магомедову.

— Молодец ты, товарищ Аслан, право, молодец, — говорит он.

В это время прогремело несколько выстрелов.

Это белые офицеры, скрывшиеся в камнях, снова открыли огонь.

— За мной! — крикнул Юнуска стоявшим вблизи товарищам и, зарядив винтовку, направился прямо к месту засады.

Несколько из его бойцов стали обходить кругом то место, откуда продолжали греметь выстрелы.

Вдруг из-за большого камня показались четыре белых кителя.

— Не стреляйте, сдаемся! — слышался оттуда громкий густой голос.

Юнуска вздрогнул: в подвигавшейся к нему высокой толстой фигуре он узнал своего обидчика.

Сильно забилося сердце в груди бывшего арбакеша.

Он было поднял свою винтовку, чтобы всадить пулю в ненавистного человека, но вдруг что-то блеснуло перед его глазами, сильно

толкнув в голову, и ему показалось, что он понесся куда-то далеко, далеко...

Басмачи бежали.

Алим-бай был убит. Юнускина пуля уложила на месте бандита. Толстый офицер с большими рыжими усами, с хмурым лицом, сидел среди пленных, со скрученными за спину руками.

— Ты зачем в него стрелял после сдачи? — строго спросил пленника товарищ Кузьма.

— Я не виноват, — отвечал тот, — это он первый поднял винтовку, я только оборонялся.

— В расход этого негодяя! — крикнул подбежавший Магомедов.

Пленника окружило несколько человек.

Он отбивался ногами, рычал, как зверь, стараясь вырваться из сильных рук своих победителей.

Наконец, обессилев в неравной борьбе, он покорился...

Его потащили к высокому, тенистому Карагачу.

Недалеко от места схватки, раскинув свои загорелые руки, недвижно лежал Юнуска.

Его небольшая черная борода торчала вверх над оголенной волосатой грудью.

Посредине лба виднелась маленькая красная точка, из которой тонкой струею сочилась кровь.

Глаза убитого были открыты, и его потухший взгляд недвижно был устремлен в бесконечную небесную высь.

«Всех их, как баранов!» как будто было написано в этом угасшем взоре страшной рукою смерти.



Караван верблюдов в Туркестане.

ТУРКЕСТАН И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ

ОЧЕРК

1. Как Туркестан стал частью СССР

На восток от бесконечных киргизских степей и Каспийского моря, отделенная от Индии Афганистаном и снежными хребтами Гиндукуша, от Китая Гималайскими горами, а с юга, гранича с Персией, лежит часть Туркестана, которая после Октябрьской революции составила Туркестанскую Социалистическую Советскую Республику.

Страна эта занимает площадь в 1.730.000 квадратных верст. На этом пространстве можно поместить Германию, Австрию, Венгрию, Италию и Францию.

Образование этой республики и присоединение ее к великому Союзу Социалистических Советских Республик наделало немало переполоха в Европе.

Открытое тяготение азиатских народов к советскому строю в особенности встревожило Англию.

Ведь по соседству с освободившимся туркестанским населением находятся Афганистан и богатая Индия, с населением больше, чем в 300.000.000. Афганистанские правители долго находились на жалованьи англичан и делали все, что им приказывалось из Лондона. Только теперь Афганистан стал самостоятельным государством. Население же Индии по-прежнему находится в кабале у английского капитала, и из этой богатой страны англичане извлекают огромные выгоды.

Если бы индусы, по примеру туркестанских народов, отвоевали себе свободу, то Англии пришлось бы проститься с «жемчужиной британской короны», как они называют полуостров Индостан.

Поэтому английское правительство всеми силами старалось помешать образованию Социалистической республики, в состав которой вошли исключительно народы средней Азии.

Однако, все усилия англичан не привели ни к чему.

При помощи Красной армии революционное население молодой республики разбило белые отряды и прогнало от своих границ вторгнувшиеся английские войска.

Дружеские отношения, которые были установлены Туркеспубликой с Афганистаном и Персией, раз навсегда оградили ее от возможности нового вторжения врагов.

Создание объединенной Советской республики в Туркестане явилось лишь первой ступенью советского строительства.

В пределах этих республик проживают различные народности, которые резко отличаются друг от друга по происхождению, по языку, по характеру и даже по религии.

Разбивая на области завоеванный Туркестанский край, царское правительство не позаботилось установить их границы таким образом, чтобы в каждой области находилась в большинстве та или другая из национальностей.

Напротив, царским генералам было выгоднее перемешать в одну кучу все население Туркестана. Этим оно не давало возможности тому или другому из поработченных народов организовать и подняться против своих поработителей.

При существовании советского строя, такое воссоединение по национальностям никакой опасности не представляет. Наоборот, оно даже желательно.

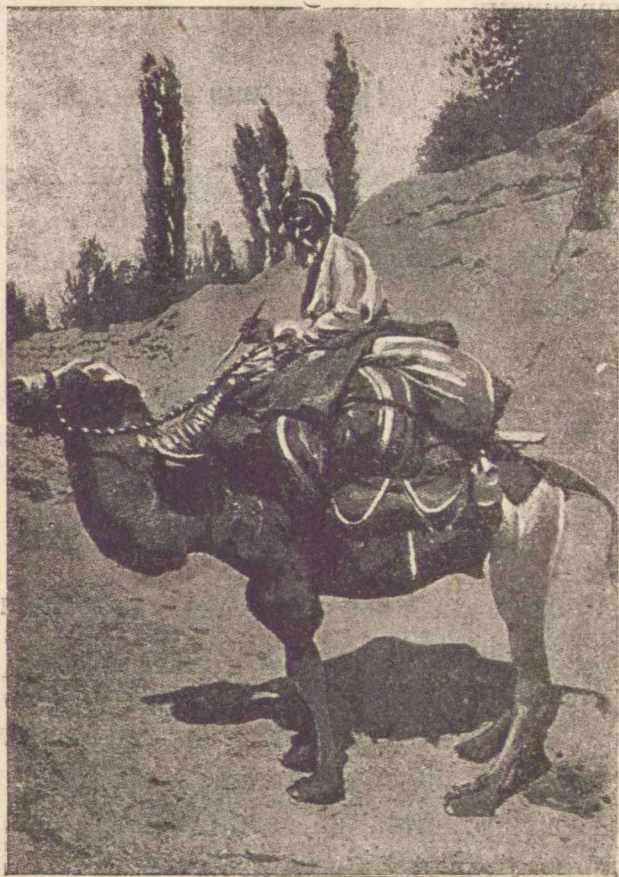
Каждому народу в Союзе ССР предоставлена полная свобода, и он устривается так, как находит для себя более удобным.

И вот, Советская власть приступила к тяжелой работе нового размежевания Туркестанской Социалистической Советской Республики.

В настоящее время на месте ее образовались две независимые Советские республики: Узбекистан, в котором большинство населения составляют узбеки, и Туркестан, населенный преимущественно туркменами.

Кроме того, создана автономная Советская республика Таджикистан, занимающая области, заселенные таджиками.

Образованы также две автономные области, а именно: Каракиргизия, которая вошла



Ферганский кара-калпак.

в СССР, и Кара-Калпакия, присоединенная
к Киргизской республике.

Эти две области населены большей частью кочевниками.

II. Таджики

Коренным населением Туркестана являются таджики. Они принадлежат к иранской группе арийских народов и являются племенем, родственным персам.

Появились таджики в туркестанских пределах еще в доисторические времена и преимущественно заселяют часть бывших Самаркандской и Ферганской областей. В очень небольшом числе они встречаются в Сыр-Дарьинской области.

Говорят таджики на языке «фарси», похожем на персидский.

Когда-то они исповедовали религию Зороастра, но после вторжения тюркских магометан частью были силой обращены в мусульманство.

Все магометане по своим религиозным убеждениям разделяются на две группы.

Одни признают единого бога и Магомета, его пророка. Эта группа считает себя правоверной и называется суннитской. К ней принадлежат турки, арабы, афганцы,

киргизы, татары и многие другие мусульманские народы.

Другая же группа, веря в единого Аллаха, ставит наравне с пророком Магометом его двоюродного брата, святого Али, которому и поклоняется, совершая пилигримство, то есть путешествие пешком к его могиле в Мазар-и-шериф, находящийся в Северном Афганистане. Они признают священную книгу суних выше корана. Эта группа называется шиитской и считается у правоверных магометан еретической.

К ней принадлежат персидские магометане. Часть таджиков исповедует измаилитскую религию.

Как внутренний быт, так и хозяйство таджиков свидетельствуют о том, что в прошлом они, среди полудикого населения Азии, были высоко культурным народом.

В настоящее время по образу жизни таджики мало отличаются от прочно оседлого населения Туркестана.

Живут они в городах и кишлаках.

Туркестанские города все схожи между собой. Узкие, длинные улицы, по обеим сторонам которых возвышаются глиняные стены,

или, как их называют, дувалы, напоминают длинные, часто искривленные, коридоры.

За этими стенами среди тенистых садов находятся сакли, то-есть дома туземцев.

Каждый сад и двор отгорожены такою же стеной от соседа. В саклях нет никакой мебели.

Вся обстановка дехканина, или крестьянина, состоит из сундука с бельем и носильным платьем, да кипы одеял, сложенных в высокую стопку.

Медная, глиняная и чайная фаянсовая посуда расставлена в нишах, сделанных в стенах. На полу постланы камышевые плетенки, покрытые кошмами, войлоком.

У более зажиточных дехкан имеются ковры.

Туркестанский дехканин спит и ест на полу. Отоплением для него служит так называемый скандал. Это небольшой столик кубической формы, который ставится над углублением, сделанным посреди сакли. В это углубление накладывается жар из древесных углей. Столик накрывается большим ватным одеялом, под которое туземец залезает с ногами и так согревается во время зимних холодов.

В потолке сакли сделана дырка, через которую проникает свежий воздух снаружи.

Каждый дом туркестанского дехканина имеет мужскую и женскую половины.

Богатые туземцы уже изменили свой образ жизни и в этом отношении приближаются к европейцам.

В городах их обстановка ничем не отличается от нашей.

В общем же население Туркестана живет очень примитивно и бедно, и если бы не богатая природа страны, то существование его было бы самым ужасным.

Природа, окружающая таджика, полна нежности, красоты и богатства. По наружности этот народ очень красив. При встрече с таджиком, глядя на библейский тип его лица, с длинной черной или седой бородой, невольно останавливаешься и любишься им, как картиной.

Его глаза, черные и выразительные, с оттенком бесконечной доброты и смирения, обворожительны.

Движения спокойны и грациозны.

Таджики отличаются большими умственными способностями.

Поэтому и в старое время, и теперь они быстро захватывали положение в Туркестане, требующее научной подготовки.

Таджикское население занято исключительно земледелием, садоводством и только в больших городах торговлею.

Таджикские женщины также очень красивы.

Они являются прекрасными матерями, преданными женами и неутомимыми работницами.

Участь таджички в долинах Туркестана была такой же незавидной, как и вообще всех восточных женщин.

На улицу она могла выходить лишь с закрытым черным волосяным покрывалом лицом, укутанная в безобразный серый балахон, называемый «паранджа». Дома же она была рабыней своего полновластного мужа.



Таджичка.

Только в горных местностях таджики отступили от этого варварского закона Магомета и предоставили своей женщине больше свободы.

В ущельях бывших памирских ханств: Шугнина, Рошана, Вахана и Бадахшана, раньше входивших в пределы Бухары, а ныне вошедших в состав Таджикистана, таджички не закрывают своего лица.

Всего в Туркестане таджиков насчитывается около 1.300.000 человек.

III. Узбеки

Узбеки, или, как их принято называть, сарты, составляют самое многочисленное население Туркестана. Они-то и образовали теперь независимую республику Узбекистан со столицей Самаркандом.

Узбек очень не любит данного ему прозвища «сарт». Откуда оно взялось, до сих пор не выяснено.

Возможно, что под таким именем узбеки когда-то были известны в Индии, так как на древне-индусском наречии слово «сарт» означало торговец, а узбеки именно торговый народ.

Делятся они на оседлых и кочующих. Большинство узбеков живут оседло по городам и кишлакам бывших Сыр-Дарьинской,



Старшина—«кур-баши».

Самаркандской и Ферганской областей. Оседлые узбеки занимаются земледелием, садовод-

ством и шелководством; кочевые же — разведением скота.

Всего узбеков в пределах Туркестана насчитывается до 2.500.000 человек.

В культурном отношении они значительно уступают таджикам.

Узбекская женщина находилась в крайне тяжелых условиях и изнывала под гнетом мусульманского деспотизма.

Революция облегчила участь только очень немногих из этих несчастных и то лишь в больших городах и лежащих вблизи железных дорог.

В глубине же страны все осталось почти что попрежнему.

Узбеки — магометане-сунниты.

Произошли узбеки от смешения иранских народов с турко-монголами. Это легко заметить по их наружности, в которой сильно сохранились турко-монгольские черты. Лица их слегка вспухшие, а скулы иногда, как и у монголов, значительно выдаются.

Узбеки отличаются необыкновенным трудолюбием.

Нельзя не удивляться, с каким терпением и упорством они возделывают свои поля, при

этом самым примитивным орудием, а именно кетменем, то-есть заступом или деревянным плугом. Стоя по колено в грязи, в течение многих недель трудится узбек на своих рисовых плантациях, или в жестокий зной жаркого лета ухаживает он за хлопком.

При помощи того же кетменя, без всяких предварительных изысканий, просто на-глаз, он отводит воду из рек, роет оросительные каналы, называемые в Туркестане арыками.

Такими каналами покрыты все заселенные части Туркестана, так как летом там почти не выпадает дождя, и неорошенные земли быстро превращаются в голодную пустыню.

Узбеки большие мастера в деле ирригации, то-есть искусственного орошения земли.

Их сооружения достойны удивления.

Арык Улугнар, например, в Ферганской области, похож скорее на реку, нежели на вырытый канал.

Он тянется на много десятков верст и снабжает водой несколько уездов.

Особым способом узбеки отводили воду из рек даже на вершине холмов значительной высоты.

Ограниченный умственно, в сравнении с таджиком, узбек обладает многими положительными качествами. Прежде всего, он мягко-сердечен, любит животных и детей, уважает стариков, как людей с жизненным опытом.



Плуг крестьянина Востока.

Приезжий в Туркестан всегда поражается большим количеством узбеков с младенцами на руках, стоящих возле ворот своих домов.

Лучшими няньками для европейских ребят в Туркестане всегда считались узбеки. Из них вырабатывались прекрасные слуги, искусные повара, столяры, плотники, каменщики и другие

мастеровые. Они же преимущественно были заняты кустарной промышленностью в крае.

Натура узбека крайне противоречива. При его необыкновенном трудолюбии он делается ленив, как только заработает немного денег. Сейчас же он бежит на базар, где по целым дням валяется в чай-ханэ и слушает базарные сплетни и новости.

За это узбеков и прозвали «узун-кунак», что означает: «длинные уши».

Только недостаток в деньгах заставляет его снова взяться за работу.

С другой стороны, узбек одарен большими коммерческими способностями.

Его мечта рано или поздно сделаться купцом — баем.

При каждом удобном случае узбек старается спекулировать.

Арбакеши—возчики, когда началась развиваться хлопкопромышленность, почти все превратились в мелких скупщиков хлопка. На наемную работу узбек идет только по необходимости.

Стоит ему заработать, как он сейчас же покупает товар и идет торговать. Если ему повезет в торговле, он уже не видит предела для своих возможностей.

Он очень быстро богатеет, идя на рискованные дела, или же окончательно прогорает и начинает все сначала. До революции почти что вся торговля в областях, заселенных узбеками, была в их руках.

Узбекские купцы проникали даже в районы, занятые кочевыми народами, и успешно вели там свои дела.

Несмотря на свой спокойный характер узбек крайне вспыльчив и злопамятен.

Он легко сносит обиду, но никогда ее не забывает. Вот почему узбеки с таким озлоблением во время революции поднялись против царских чиновников и в особенности против офицерства, которое обращалось с ними, как со скотиной.

Не было пощады также и должностным лицам из узбекской среды и богатым кунцам, находившимся под покровительством царских ставленников, когда узбекское население почувствовало, что настал час расплаты.

По своей натуре узбек большой любитель спорта.

Скачки, всевозможные азартные игры в кости и в карты, бой перепелов — его любимые развлечения.

Повсеместно по кишлакам можно встретить праздного узбека с соколом на руке или с перепелом за пазухой. Он азартен до крайности и часто в игорном притоне спускает все до последнего халата.



Кочевье кара-киргизов.

Миролюбивая натура узбека и его отвращение к убийству и драке никогда не могли сделать из него хорошего воина-профессионала.

Однако, в узбеке есть все задатки настоящего гражданина, способного в случае необходимости храбро защищать свои права.

Со времени установления Советской власти в Туркестане, узбеки, проживающие в крупных центрах Туркеспублики, значительно изменились.

Они быстро пошли по коммунистическому пути, не изменяя при этом своего быта.

Нельзя сказать того же относительно районов, удаленных от железнодорожных линий.

Здесь туземец остался тем же, чем он был во времена своих деспотов ханов и в период произвола царских опричников.

IV. Киргизы

Наиболее интересным и своеобразным народом Туркестана являются киргизы.

Эти кочевники, несмотря на свой низкий культурный уровень, чрезвычайно симпатичны.

Это настоящие дети природы, продукт степей или гор.

Их доброта и наивность почти детские, а гостеприимством они известны на всю среднюю Азию. Все киргизы, к какой бы группе они ни принадлежали, — тюркско-монгольского происхождения и говорят на тюркском языке.

При этом язык их очень богат и своеобразен. У киргизов имеется собственная поэзия, свои легенды и баллады.

Они большие мечтатели и страшно привязаны к степям и горам, в которых родились и где кочуют с малолетства.

Несмотря на то, что все киргизы исповедуют ислам, то-есть являются магометанами, они, как дети свободной природы, не могли ограничить в свободе и своих женщин.

Киргизка не закрывает своего лица. В семье она полноправная хозяйка. Правда, на ней лежит вся тяжесть домашней работы, но она не чувствует себя загнанной рабыней наравне с узбечкой. Как кочевой народ, киргизы мало занимаются земледелием.

Родом их занятия является скотоводство, и они выменивают на хлеб продукты своей промышленности.

Киргиз считает себя «вольным, как гусь», почему и называется «газ-дак-казак». Его любимым развлечением служат охота, байга (род скачек) и верховая езда. Он всегда на коне, вечно на воздухе и часто шатается из аула в аул, в погоне за новостями, до которых, как и узбек, он большой охотник.

Киргизы, населяющие долины Тянь-Шаня, в Семиречье, и горы Ферганской области, а именно Алайские, Заалайские и Памир, называются кара-киргизами; остальные же киргизы Туркестана известны под именем казаков.

В настоящее время кара-киргизов насчитывается до 600.000.

Всех же киргизов Туркесреспублики 2.400.000. Во времена господства кокандских ханов, кара-киргизы были одним из самых воинственных народов средней Азии. Их побаивались кокандские владыки и с ними считались.

Но вот, в 1878 году пришли русские войска и покорили Кокандское ханство.

Кара-киргизы не могли долго сопротивляться современному европейскому оружию.

Последним правителем этих киргизов была женщина, известная под названием «Царица Алая», Курбан-Джан-Датха.

Когда последний хан Коканда, Худояр, сдался русским, то для завоевания Алая был послан русский отряд.

Киргизы оказали врагу сильное сопротивление под предводительством сыновей датхи, Камчи-бека и Махмуд-бека.

Однако, они были разбиты и укрылись в ущельях Заалайского хребта.

Между тем «Царица Алая» передалась русскому генералу и впоследствии склонила своих сыновей подчиниться России.



Семья узбеков.

В награду за это ей было оставлено звание датхи, то-есть правительницы, а ее сыновей назначили на почетные и доходные должности волостных управителей.

Однако, Камчи-бек и Махмуд-бек не переставали думать о возвращении самостоятельности кара-киргизам, и в 1893 году это стало

известно царским властям. Было решено отделаться от этих «опасных» князей.

Случилось так, что один русский таможенный чиновник был найден убитым в горах. В убийстве этом обвинили Камчи-бека и его брата.

Их судили гражданским судом, который вынес оправдательный приговор обвиняемым, так как было доказано, что чиновника убили контрабандисты, с которых он требовал взятку.

Однако, военный губернатор исхлопотал у царя позволение пересмотреть это дело в военно-полевом суде.

Конечно, оба киргиза были обвинены. Камчи-бека повесили, а Махмуд-бека сослали на каторгу вместе с двадцатью одним киргизом, принимавшими будто бы участие в преступлении.

Сослали и внука «датхи», пятнадцатилетнего Аслан-бека.

Не вынесла такого горя их старуха-мать и сошла с ума.

С той поры среди кара-киргизов затаилась злоба против царских палачей, и они ждали лишь случая, чтобы отомстить им.

Быт киргизов очень патриархальный и несложный.

Живут они в складных, перенесных кибитках, покрытых кошмами, то-есть войлоком. Несколько таких кибиток называется аулом. Пищу их составляет баранина, бараний или верблюжий сыр, молоко и кумыс. Летом киргизы поднимаются на горные луга, где в это время растёт сочная, ароматичная трава, и тут они пасут свои стада. Зимой же спускаются в ущелья и зимуют в укрытых от ветра местах, называемых «джилга», или зимовками.

Алайская долина, с ее рекой Кизил-су, является их излюбленным местом в весенние и осенние месяцы, когда вся долина покрыта сочной травой.

V. Туркмены

Наиболее чистыми представителями тюркско-монгольского племени являются туркмены, образовавшие теперь Туркменистан.

Они населяют Закаспийскую область и ведут полукочевой образ жизни, ютятся более возле предгорий и оазисов закаспийской пустыни.

Туркмены по религии мусульмане. В настоящее время они стали проявлять наклон-

ность к оседлой жизни и принимаются за земледелие. Из наиболее крупных туркменских пле-



Туркмены.

мен: иомуды, ахал-теке, сарыки и чоклены -- довольно многочисленны. Подобно киргизам, туркмены живут в юртах.

Туркменская женщина — самая свободная из женщин Востока и пользуется большим почетом среди мужского элемента туркмен.

По своему характеру туркмены — народ воинственный, неспособный к торговле, крайне горячий, но незлобивый. Со времени Октябрьской революции они в значительной степени поддались влиянию коммунистической России, и Туркменистан обещает развиться в богатую Советскую республику, несмотря на малочисленность населения, насчитывающего всего 400.000 человек.

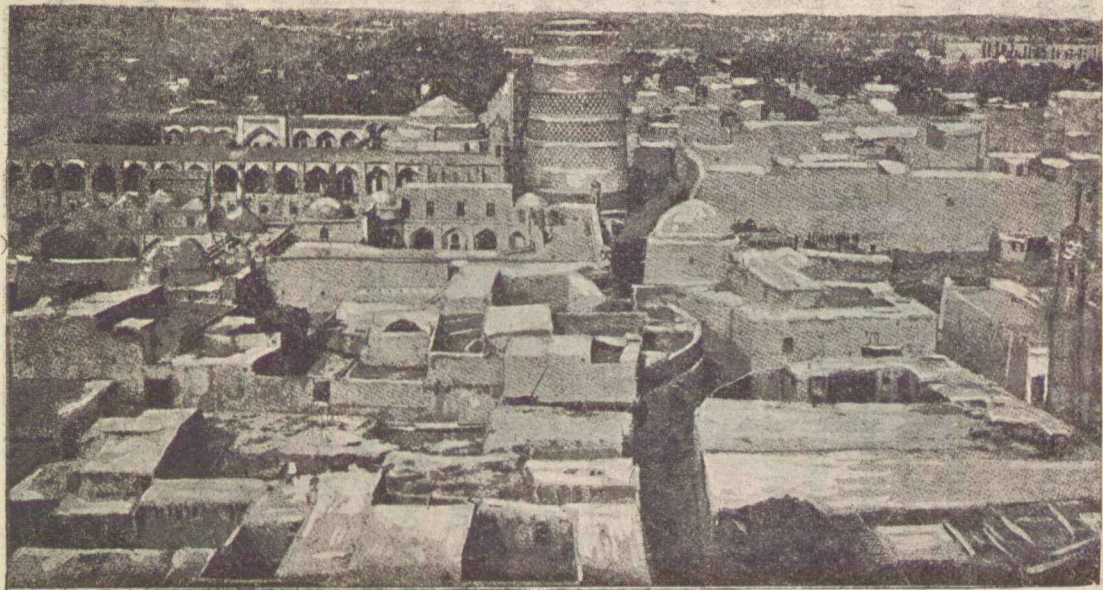
VI. Другие народности Туркестана и бухарские евреи

Кроме упомянутых народностей, в Туркестане проживает родственное китайцам оседлое племя, известное под именем дунган.

Дунганы ютятся по среднему течению реки Или и около восточной части озера Иссык-Куля.

Они все мусульмане, но все же не отказались от буддизма.

Это очень честный и трудолюбивый народ, редких способностей.



Город Хива.

В особенности они склонны к кулинарному искусству и славятся как лучшие повара в Туркестане.

По внешнему виду дунган похож на китайца, да и в домашнем обиходе у него сохранилось много китайского.

Дунганская женщина пользуется большей свободой, нежели узбечки. Дунган насчитывается около 120.000 человек.

В тех же районах, в которых живут дунганы, ютится и племя таранчей, происхождение которых еще не установлено.

Таранчи — мусульмане, ведут частью кочевой, а частью оседлый образ жизни и напоминают по своей внешности киргизов.

Бухарские евреи, или, как их называют, мусави, обращают на себя внимание своею библейской наружностью. Они прекрасно сложены. Их бледные лица и удивительно красивые руки, с тонкими длинными пальцами, очень породисты и определяют чистоту расы. Они исповедуют иудейскую религию и придерживаются талмуда.

Бухарские еврейки поразительно красивы, но всегда появляются на улице с закрытыми

лицами и ведут такую же затворническую жизнь, как и узбечки.



Молодой бухарский еврей.

Бухарских евреев не больше 40.000. Они селятся в городах бывших Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской областей. Главная же их масса сосредоточена в Бухаре.

Как и таджики, они говорят на языке фарси и очень на них походят, даже наружностью.

Если бы бухарские евреи не носили на висках выбритой головы взбитых пейсов, то их было бы трудно отличить от таджиков.

Главным занятием этих евреев является торговля вообще, и в частности шелками; они же единственные в Туркестане искусные красильщики.

Существует предание, что эти евреи являются потомками захваченных в плен ассириян и персов.

Все эти народы живут среди чарующей природы.

На фоне темноголубого неба ярко блестят снежные хребты каменных громад. Солнце всегда радостно светит над утопающей в зелени и цветах страной.

Несмотря на палящий летний зной воздух настолько чист и переполнен такой оживляющей силой, что жара переносится несравненно легче, нежели в других странах с менее жарким климатом.

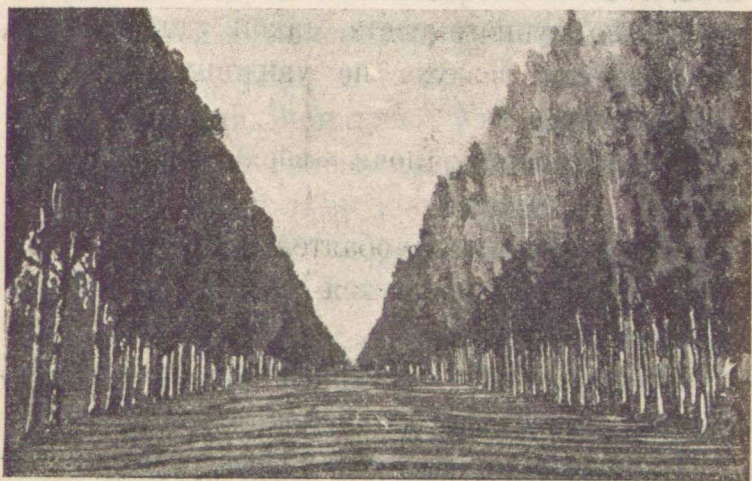
Под тенью вековых карагачей в самое знойное время летнего дня всегда можно укрыться от жары.

Легкий ветерок, налетающий из горных ущелий, спасает от духоты, а журчащие

повсюду арыки насыщают воздух особой, едва уловимой свежестью.

Зато туркестанские летние ночи не поддаются описанию.

Когда утомленная дневным зноем природа окутывается непроглядной тьмой, а бесконеч-



Аллея пирамидальных тополей.

ное небо, расцветившись миллионами звезд, пылает каким-то фосфорическим светом, в воздухе царит такое благоухание, такая истома, что им дышешь и не можешь надышаться.

Огромные пирамидальные тополи, которыми обсажены туркестанские города, напоминают

спящих великанов, укутавшихся в гигантские зеленые плащи.

Но вот над горами появилась луна. Она медленно поднимается и льет свой яркий белый свет на сияющий туркестанский пейзаж.

Все вдруг посеребрилось и горит под лучами ночного светила.

Такого лунного света, такой удивительной прозрачности воздуха не увидишь нигде на земном шаре.

Туркестанские ночи восхитительно хороши!

Но, кроме своей обаятельно дивной природы, Туркестан является также страной неисчерпаемых богатств.

Прежде всего, это страна земледельческая, дающая два урожая в течение лета.

Виноградники, в которых вызревает множество сортов великолепного виногра, фруктовые сады, необозримые рисовые и хлопковые поля, засеянные пшеницей и другими злаками, виднеются всюду, где только вода орошает плодородную почву края.

Садоводство значительно развилось. Пройдет несколько лет, и оно станет на одинаковую высоту с садоводством Калифорнии.

Разведение шелкопряда улучшается с каждым годом, и шелковая промышленность Турк-республики должна со временем занять одно из первых мест в мире.

Горы Туркестана почти совсем еще не исследованы учеными.

А в их недрах таится огромное количество неисчерпаемых минеральных богатств: золото, железо, медь, уголь и множество драгоценных камней и редких металлов. Уже и в настоящее время найдены большие пространства нефтеносной земли на всем протяжении от Каспийского и Аральского морей к востоку, а также в горах бывших Ферганской и Сыр-Дарьинской областей.

Недаром на Туркестан так зорко устремлены взоры американских и западно-европейских промышленников.

Они прекрасно понимают, что в этом уголке великого Азиатского материка дремлют девственные сокровища в ожидании своего пробуждения.

Недаром среди туркестанского населения существует легенда, что Ферганская долина была раем первых людей. Изгнав их оттуда, аллах обрек всю страну на безводие.

Но современная техника оказалась сильнее аллаха.

Что было отнято аллахом, будет возвращено силой человеческого ума и энергией.

И вот, когда весь Туркестан покроется сетью оросительных каналов, а по голодным степям весело зажурчат арыки, тогда вся страна превратится в сплошной цветущий сад.

Среди этого сада заработают фабрики, и тогда Туркестан станет действительно земным раем великого рабоче-крестьянского союза.



Голова горного барана — «архара».

Объяснение местных слов, встречающихся в тексте.

Арба — двухколесная телега с прямыми толстыми оглоблями. В нее запряжена лошадь, на спине у которой имеется седло.

Колеса арбы очень большие. Бывают открытые арбы для перевозки грузов и закрытые камышевой плетенкой для пассажиров. У последних непокрытыми остаются задняя и передняя часть. В арбе могут поместиться от 6 до 8 человек.

Арбакеш — туркестанский извозчик. Он обыкновенно сидит верхом на лошади, запряженной в арбу.

Айда — повелительное восклицание иди, ступай, двигайся!

Аркин — гиревка.

Амин — помощник минбаши, то-есть волостного управителя.

Арык — небольшой канал, по которому течет вода из рек или более крупных арыков. В Туркестане мало выпадает дождей, а потому сады и поля орошаются искус-

ственно при помощи целой сети таких арыков. Так как почва Туркестана очень плодородна, то она бывает покрыта растительностью всюду, где есть вода. Бай — богатый. Каждого купца туземцы величают «бай». В разговоре между собой они к имени также прибавляют «бай», например: Алим-бай, Махмуд-бай, чего требует мусульманский обычай вежливости.

Байгуш — нищий.

Басмач — грабитель-бандит. Когда Октябрьская революция восторжествовала, то часть русских солдат царской армии вместе с белыми офицерами скрылись в горах и степях Туркестана. К ним присоединились потерявшие свои должности туземцы. Они начали вербовать в свои шайки разных бродяг и разбойников и образовывали басмаческие отряды, которые и старались отбить назад власть, отнятую у них народом. Басмачи грабили и мирное население.

Дехканин — туркестанский землепашец, или, по-нашему, крестьянин.

Диван — юродивый;

байгуш-дигана — юродивый нищий.

Джигит — наездник, служащий охраной должностного лица. Вообще, слово «джигит» означает — смелый ездок. Отсюда и взялось название кавалерийских упражнений казаков — джигитовка.

Дувал — высокий толстый забор, стена из глины, сужающаяся кверху. Такими стенами обнесены все дома и сады туркестанских жителей.

По обеим сторонам улиц туркестанских городов и селений тянутся такие дувалы.

Ичиги — мягкие сапоги из козловой кожи, без каблуков и подметок. Поверх ичигов местные жители еще носят кожаные калоши с каблуками; их они обыкновенно снимают и оставляют у порога дома или чай-хане, мечети и т. д.

Ишак — ослик.

Ишан — ученый богослов-мусульманин.

Казн — судья.

Караван-сарай — постоянный двор для возчиков.

Кик — горный дикий козел, похожий на кавказского тура, но крупнее. Он водится на снеговой линии. В долины спускается только на водопой. Убить кика очень трудно.

Клевер — «кашка», трилистник — трава, которая в сушеном виде связывается в снопы. Ее очень любят лошади. Зеленый клевер — не сухой — менее питателен, и его дают лошадям в летнее время, так как он имеет свойство очищать желудок.

Коканд — торговый город б. Ферганской области, а теперь Узбекистанской ССР.

Когда-то Коканд был столицей Кокандского ханства. В нем сохранился красивый памятник старины — дворец ханов — Урда.

Киргизские скачки. В них принимают участие подростки. Состязаются в скачках на лошадях и на верблюдах. Иногда пробег бывает в несколько верст.

Призы выдают в виде халата, тюбетейки или сапог.

Коран — священная книга, в которой собраны все учения пророка Магомета.

На коране магометане произносят свою клятву.

Кунган — медные кувшинчики с откидывающейся назад крышкой и носком для сливания воды.

Кунганы имеются различной величины, но почти всегда одной формы. Украшения на них крайне разнообразны. Главным образом кунганы служат для кипячения воды и для заварки в них чаю.

Кунганы ставятся на жар древесного угля.

Курбан-байрам — магометанский праздник.

Маклашудать — побить. Это выражение внесено русскими.

Медрессе — нечто вроде духовной семинарии при мечети.

Мечеть — магометанский храм.

Минарет — башня при мечети, в верхней части которой устроено помещение, откуда муэдзин, обратясь на Восток, громко ыкрикивает молитву. Услыша ее, мусульмане знают, что надо итти в мечеть.

Мин-баши. — Мин — значит тысяча, баш — значит голова. Название мин-башы было присвоено в Туркестане выборным волостным управителям, иначе — тысяченачальникам. Должность эта у туземцев считалась почетной. Мин-башы утверждался русским губернатором, и население очень его боялось.

Мулла — ученый священнослужитель.

Мустафа — собственное имя. Мустафа-бай — Мустафа-купец.

Муэдзин — священнослужитель, призывающий с башни мечети на молитву прихожан.

Наманган — уездный город в Ферганской области.

Нима — чего тебе?

Пояс. — Туземцы Туркестана обыкновенно носят деньги

в своем поясе. Пояс их сделан из длинного куска материи и обвертывается вокруг талии.

С а й — река. Исфайран-сай, значит — река Исфайран.

С к о б е л е в о — станция по линии Самарканд-Андижанской ж. д. Возле нее расположен город, называвшийся раньше Новый Маргелан, один из самых живописных городов Ферганской области, лежащий в виду Алайских гор. В 10 верстах имеется и туземный город Старый Маргелан.

Т а м а ш а — гулянка, народное празднество.

Т а м ы р — друг.

Т а щ и ш к а — так называют базарного носильщика. Слово «тащишка» выдуманно русскими пришельцами.

Т е н г и з - б о й — такое имя носит горный перевал, ведущий из Ферганской области через Алайский хребет. Перевал этот имеет 12.000 футов высоты над уровнем моря и в зимние месяцы совершенно непроходим, так как завален снегом.

Т о х т а ! — Стой.

Т ю б е т е й к а — остроконечная шапочка, которую туземцы в Туркестане носят всегда и дома и на воздухе.

У л а к — игра. Один наездник выезжает с зарезанным козленком. Другие бросаются за ним. Начинается гонка. Кому удастся отнять козленка и доставить его к юрте старшины, тот является победителем.

У з б е к. — Узбеками (или сартами) называется часть оседлого магометанского населения Туркестана. После национального размежевания бывшего русского Туркестана узбеки образовали автономную республику Узбе-

кистан с главным городом Самаркандом. Раньше столицей русского Туркестана был г. Ташкент.

У р — бей! Отсюда и произошло русское слово «ура».

Х а к и м — уездный начальник. В царское время им всегда был русский офицер.

Х а м р а — женское имя.

Ч а й - х а н э — чайная. На всех туркестанских базарах, как и на улицах городов и селений, имеются чай-ханэ. Они состоят из крытой террасы. Эта терраса сплошь застлана коврами или войлоком. Здесь на полу сидят кружками местные жители и пьют чай, едят и делятся новостями, до которых восточные народы большие охотники. Чай-ханэ их любимое место, их клубы.

Ч а л м а — длинный кусок кисеи или другой тонкой материи, которой туземцы Туркестана обматывают поверх тюбетейки свою голову. Чалма обыкновенно белая. Зеленую чалму могут носить только «хаджи», то-есть те, которые ходили в Мекку на поклонение гробу пророка Магомета.

Бывают чалмы пестрые, красные и других цветов.

Ч а м а — плоское вьючное седло; оно покрывает почти всю спину лошади и к нему привязываются тюки груза.

Очень употребительно в горах Туркестана.

Ч и л и м — все жители Востока употребляют курительный прибор, который состоит из сосуда с водой. В верхней части устроена чашечка, куда всыпается табак (кальян). От середины сосуда идет трубка, кончающаяся мундштуком, а на другой стороне сосуда дырочка. Курящий зажимает пальцем эту дырочку и тянет через мундштук в себя воздух. Тогда дым проходит через

воду и попадает в легкие курящего в охлажденном состоянии.

Ю н у с к а — уменьшительное от имени Юнус.

Ю р т а — складная, овальной формы, кибитка, покрытая войлоком, издали она похожа на копну сена. В этих переносных жилищах живут кочевники киргизы.

Я к ш и — хороший.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. На арбе	3
II. Базарная новость	11
III. Везде — только обида	19
IV. Тяжелая утрата	28
V. Началось	42
VI. На верном пути	50
VII. Серьезное решение	56
VIII. В гнезде басмачей	67
IX. Расплата	77
Туркестан и его население	84
Объяснение местных слов, встречающихся в тексте ...	118



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ДЕТСКИЕ КНИГИ

Средний и старший возраст от 11 до 15 лет.

Ауслендер, С. Много впереди. Повесть. Рис. П. Алякринского. Изд. 2-е 1925. Стр. 150. Ц. 45 к.

Его же. Дни боевые. Рис. С. Герасимова. М. 1925. Печатается.

Его же. Правь на Север! Пьеса в 3-х действ. Рис. худ. Н. Тезейкина. Муз. Б. Мошкова. М. 1925. Стр. 46. Ц. 30 к.

Его же. Черный вождь. Повесть с рис. П. Алякринского. Стр. 148. Ц. 75 к.

Бабаев, Н. Красные орлы. Рассказ из жизни военных летчиков. М. 1924. Стр. 27. Ц. 20 к.

Владимирский, В. Колька сподручник. Сборник рассказов. М. 1924. Стр. 70. Ц. 40.

Его же. Шахта Изумруд. М. 1924. Стр. 92. Ц. 50 к.

Волькенштейн, В. Маугли. Пьеса для детского театра в 5 д. С рис. М.—П. 1923. Стр. 45. Ц. 45.

Вольнов, И. Так было. (Из „Повести дней моей жизни“). С рис. К. Кузнецова. М. 1924. Стр. 126. Ц. 50 к.

Григорьев, Сергей. Паровоз Э-т.—524. Рис. А. Баранского. Изд. 2-ое М.—Л. 1924. Стр. 54. Ц. 25 к.

Дфо, Д. Жизнь и приключения Робинзона Крузо. Сокращенное издание для детей среднего возраста. Силлюстр. Гранвиля. Перевод с английского. М. А. Шишмаревой и З. Н. Журавской. Под ред. К. Чуковского М.—П. 1923. Стр. 222. Ц. 1 р. 50.

То же. В переработке для детей старшего возраста. Л.—М. 1923. Стр. 164. Ц. 80 к.

Дудоров, П. Первый кабель-великан. Рис. А. Барановского. М.—П. 1923. Стр. 44. Ц. 20 к.

Каинцев, Н. К южному полюсу. Путешествие Скотта, Шекльтона, Амундсена и др. великих исследователей. С портретами и рисунками. М. 1925. Стр. 200. Ц. 70 к.

Его же. По звериным тропам. Рис. П. Соболева. Печатается.

Его же. Эдиссон. С рис. Стр. 160. Печатается.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Каротти, А. Наследство капитана Немо. Перев. М. А. Гершензона. Рис. В. Голицина. Стр. 200. Ц. 80 к.

Киплинг, Р. Книга Маугли. Пер. С. Займковского. Рис. В. Ватагина. Печатается.

Низовой, П. В горах Алтая. Повесть. Рис. Н. Котова. Печатается.

Партизаны. Сборник. Под ред. П. Низового. Рис. С. Меньшутина. М. 1924. Стр. 96. Ц. 50.

Сеток-Томпсон, Э. Бинго. История одной собаки и др. рассказы. Пер. Э. Пименовой. М.—П. 1923. Стр. 223. Ц. 75 к.

Его же. История одной серебристой лисицы. Пер. с английского В. В. Буховецкого. С рис. автора М.—П. 1923. Стр. 120. Ц. 60 к.

Его же. Лобо и др. рассказы. Перев. Э. Пименовой. М.—П. 1923. Стр. 124. Ц. 20 к.

Его же. Маленькие дикари. Пер. с английск. Л. Б. Хавкиной. С рис. автора. Л.—М. 1924. Стр. 484. Ц. 3 р.

Его же. Нравы и психология диких животных. Пер. с английск. М. П. Волошиновой. М.—П. 1923. Стр. 135. Ц. 60 к.

Сурожский, П. На трудовом пути. Рис. С. Герасимова. Стр. 112. Ц. 40 к.

Теряева, М. Кровавый урок. 9-ое января 1905. Рис. В. Васильева. М. 1925. Стр. 127. Ц. 45 к.

Уйда, Степь. Перев. с английск. Л. Б. Хавкиной. Рис. Е. Гольдштейна. М. 1924. Ц. 30 к.

Хлебников, П. Краснокожие. Из жизни североамериканских индейцев. Со многими рисунками. М. 1925. Стр. 117. Ц. 60 к.

Якслев, А. Конец старой сказки. Рис. Л. Жолткевич. Изд. 2-ое М. 1924. Печатается.

Яльцев, П. В дни Парижской Коммуны. Детский театр М. 1925. Стр. 40. Ц. 25 к.

Его же. Волчья стая. Детский театр. Печатается.

Его же. К Ленину. Детский театр. Печатается.

Его же. Красный галстук. Детский театр. Печатается.